

Дарья
Лисовская

40

НОЖЕВЫХ

18+

Дарья Лисовская

40 НОЖЕВЫХ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67739747

SelfPub; 2023

Аннотация

В придорожной лесополосе обнаружены два мужских трупа со следами насильственной смерти. Есть ли связь между жертвами? И где искать загадочного убийцу? С этими тайнами предстоит разобраться следователю Нике Речиц.

Содержание

Часть 1. Труп из колодца	4
Часть 2. Охотники и добыча	72

Дарья Лисовская

40 ножевых

Часть 1. Труп из колодца

В придорожной лесополосе было тихо, только сосны в снежных шапках негромко ухали от ветра. Следователь Преображенский вышел из «потрепанного жизнью» и деревенскими дорогами старого милицейского уазика, хлопнул пару раз дверью, упорно не желавшей закрываться, поймал на себе неодобрительный взгляд водителя, тихо ругнулся и пошел к кустам, за которыми сквозь снежную пелену виднелись силуэты членов оперативно-следственной группы.

– Макс, привет! – первым заметил Преображенского начальник межмуниципального отдела МВД России «Бродский» полковник полиции Турусов. Мужчины пожали друг другу руки. – Ну, тут дело ясное, бомж залез в теплотрассу погреться, да и прибрался, воняет просто жуть.

– Сейчас по-быстрому его оформим, а то что-то холодно. – Макс Преображенский зябко дернул плечами и добавил к своей речи длинное заковыристое непечатное ругательство, которое по задумке должно было сделать его в глазах оперов бравым орлом и отличным парнем, своим в доску. Рядом с открытым колодцем теплотрассы прибытия Мак-

са уже дожидались эксперт-криминалист, два опера, а также парочка местных бомжей, которые за бутылку спиртного, обещанную операми, согласились поднять из колодца своего почившего друга.

Макс и эксперт-криминалист сфотографировали колодец, после чего дали бомжам отмашку приступать к работе. Примерно через пятнадцать минут на снегу лежал полусгнивший труп мужчины. Выглядел он дурно, ни возраст, ни черты лица не определялись в распухом месиве.

– Блин, да это, похоже, не Иваныч, – задумчиво пробормотал один из бомжей. – Этот вообще какой-то приличный, вон у него куртка нормальная и кроссовки тоже ничего, – продолжил он проявлять чудеса дедукции.

– Ну-ка, тихо ты, Шерлок Холмс хренов, – не стал с ними церемониться полковник Турусов. – Кыш отсюда, сейчас следователь будет работать.

Макс Преображенский не любил возиться с гнилыми трупами. Он вообще специализировался на расследовании должностных и экономических преступлений, справлялся с ними не без блеска, а «мясо» откровенно не жаловал. Но суточное дежурство по району никто не отменял, и сейчас, преодолевая брезгливость, Макс притулился на пенке на расстоянии примерно трех метров от открытого колодца и извлеченного из него трупа и пытался что-то разглядеть через запотевающие очки и стеной летящие снежные хлопья. Разглядеть удалось немного, и из-за неблестящего состоя-

ния трупа Макса это даже радовало. Приснится еще потом ночью эта багровая распухшая маска и нарушит и без того беспокойный следовательский сон. Макс достал из дежурной папки чистый протокол осмотра места происшествия, начал его заполнять, увидел, что протокол от снега моментально промок, снова забористо чертыхнулся и подумал: «Заполню в отделе».

Полковник Турусов подошел к трупу поближе, вместе с дежурным опером Васей Никитенко прощупал карманы куртки и джинсов покойника.

– Документов нет! – крикнул он Максу. – На вид вроде целый.

– Так и запишем, Евгений Викторович, что без видимых телесных! Вызывайте труповозку, – махнул рукой Макс и пошел обратно к дежурке.

В машине он уютно устроился рядом с водителем, неодобрительно посмотревшим на снежную слякоть, которую Преображенский притащил с собой. Макс выписал постановление о назначении судебной медицинской экспертизы трупа и с чистой совестью отбыл в Бродский межрайонный следственный отдел, где трудился в должности старшего следователя.

В родном отделе тоже было тихо, как в лесу. Макс поднялся на второй этаж и распахнул дверь своего кабинета. В нем пахло смесью дешевого спиртного и давно немых тел.

Это коллега Макса, его соседка по кабинету, старший следователь Ника Станиславовна Речиц проводила свое коронное следственное действие: очную ставку бомжа с бомжом.

Бомжей было двое, мужчина и женщина. Бытие бездомного не только определяет его сознание, но и оставляет сильный отпечаток на внешности. По виду людям, сидящим в кабинете Ники и Макса на специальных «бомжацких» стульях, можно было спокойно дать минимум лет шестьдесят, хотя по документам женщине, известной в городке бомжей как Петровна, было тридцать семь лет. А мужчине – Пете Одноногому – сорок пять.

Исходя из предположений Ники, в своих первоначальных показаниях Петя Одноногий слукавил, выгораживая своего дружка по кличке Негр. Негр забил самодельным топором бомжа по прозвищу Узбек, а потом при помощи Одноногого Пети сжег окровавленную одежду. Это все видела Петровна, которая сейчас в ходе очной ставки довольно бодро уличала Петю во лжи.

Макс тихонько проскользнул мимо бомжей на свое рабочее место и, стараясь не дышать слишком глубоко, включил компьютер. Очная ставка шла своим чередом, Петровна на высоких нотах подтверждала свои показания, Одноногий Петя вяло отнекивался и почему-то называл Нику «хозяйкой». Минут через десять все закончилось, Ника распечатала протокол, бомжи расписались, где следовало, после чего, сразу забыв о своих противоречиях в ходе очной став-

ки, стали сообща и очень жалобно выпрашивать у следователя Речиц деньги «на проезд». Ника прекрасно понимала, что между деньгами «на проезд» и деньгами «на выпивку» в данном случае надо ставить знак равенства, но вынула из кармана сто рублей и вручила их Одноногому Пете.

После этого Петровна и ее сосед по свалке сердечно поблагодарили Нику и откланялись, причем Петровна со словами: «Дорогой ты мой человечек», пыталась обнять Нику на прощание.

Наконец за ними закрылась дверь, и Макс быстро открыл окно нараспашку. Морозный зимний ветер сразу забросил на подоконник пригоршню снежинок, но следователей это не смущало. После очной ставки с бомжами кабинет следовало проветрить основательно.

– Ника Станиславовна, ты как тут сидела?

Ника виновато пожала плечами:

– Ты же знаешь, что у меня уже года два с обонянием не очень. Последствия вечной простуды после выездов. Я их запах почти не чувствую.

– Везет тебе. Пошли посидим у Лазаревой, пока проветривается.

Наши герои вышли из кабинета, закрыли входную дверь на замок и спустились на первый этаж следственного отдела, где располагался кабинет Лазаревой Алеси Сергеевны.

Леся Лазарева баловалась плюшками и кофе и попутно печатала обвинительное заключение, стараясь не запачкать

крошками толстые тома уголовного дела.

– Макс, ты плюшки прямо со второго этажа почуял, – не удержалась от подколки Ника.

Преображенский резво подбежал к пакету с булочками, достал одну из них и, уже пережевывая, решил уточнить у Леси:

– Я угощусь?

Леся кивнула в ответ, и коллеги решили почаевничать.

– Что у тебя был за выезд? – поинтересовалась Ника с набитым плюшкой ртом.

– Да фигня, – махнул рукой Макс. – Бомж в теплотрассе прибрался.

– Это где это?

– Да рядом с Бродской свалкой, у федеральной трассы. Продрог в этом лесу как цуцик.

– А ты прямо в теплотрассу лазил? – округлила глаза любопытная Леся.

– Нет, конечно. Я умею организовать работу, – гордо сказал Макс. – Опера бомжей отправили.

– Бомж-то без телесных? – спросила Ника.

– Да вроде нет, – замялся Макс. – Сильно гнилой.

– Мой самый гнилой труп был похож на огромный кусок хозяйственного мыла. Аж черный, – сказала Ника, дожевывая плюшку. – Утопленник был.

– Ну вот сегодняшний был примерно такой же, – ответил Макс.

Приятную застольную беседу прервал руководитель Бродского межрайонного следственного отдела Борис Борисович, он же ББ, влетевший в кабинет Леси с криком: «Ну где же там твое обвинительное, сколько можно его печатать?!»

От перспективы попасть под удар начальственного гнева Макса с Никой как ветром сдуло. Вихрем поднявшись к себе на второй этаж, герои вернулись в изрядно промерзший за время их отсутствия кабинет. Бомжами больше не пахло. Смахнув со столов налетевший снежок, следователи сели немного поработать. До Нового года оставалось всего ничего, и в следственном отделе царили спокойствие и безмятежность.

Спокойствие и безмятежность закончились на следующее утро, когда судебно-медицинский эксперт Рябоконь, приступив согласно постановлению следователя Преображенского к вскрытию трупа неустановленного мужчины без видимых телесных повреждений, обнаружила на спине трупа сорок ножевых ранений и, мягко говоря, была сильно удивлена.

За полтора часа до звонка эксперта Рябоконь Ника проводила Макса на учебу в следственное управление, хотела в тишине и покое допечатать обвинительное заключение и сдать дело ББ на проверку.

И тут в ее кабинет влетел сам Борис Борисович с криком: «Где этот Преображенский?!»

– Так он же на учебе, Борис Борисович. Четверг же, учеба

в управе, – оторвалась от обвинительного заключения Ника.

– Твою мать! Там Рябоконь звонит, орет!

– Что случилось?

– Да он труп вчера направил без видимых телесных повреждений, а на нем сегодня оказалось сорок ножевых.

Разгневанный ББ с разбегу грохнулся в кресло Макса и стал тому названивать.

– Да он, наверное, уже сел учиться. – Ника осторожно попыталась спасти друга от разноса.

– Выйдет, поговорит со мной! – ББ был человеком чрезвычайно вспыльчивым и быстро отходчивым, но первые полчаса его гнева были просто невыносимы.

– Максим Николаевич, учишься? – с иезуитской интонацией начал телефонный разговор ББ. – А твои сорок ножевых отрабатывать кто будет, Пушкин? Какие сорок ножевых? Да те, которые ты вчера направил как труп без видимых телесных повреждений. Вы там его вчера вообще переворачивали? Да при чем тут Турусов и опера?! – ББ распалялся все больше и издавал звуки, напоминающие взлетающий самолет. – Что за следователи, ни украсть, ни покараулить?!

Ника силой мысли включила у себя в голове какую-то веселую песенку, чтобы заглушить негодование ББ. Но вдруг она поняла, что Борис Борисович теперь обращается к ней.

– Собирайся на осмотр! Надо теперь нормально все осматривать!

– Борис Борисович, может, Преображенский приедет с

учебы и сам все осмотрит? – Ника не особо хотела лезть в коллектор за Макса. – А мне надо обвинительное доделать и сто одиннадцатую, четвертую сдать. Вы же сами сказали, что все дела до 25 декабря.

– Твой Преображенский во сколько с учебы придет? Ближе к шести? Ты что несешь, Ника Станиславовна?! А 25 декабря – это понедельник, успеешь еще со своим обвинительным.

Ника вздохнула. Шансы избежать осмотра коллектора теплотрассы таяли на глазах.

– Вон практиканта с собой возьми, что он тут сидит, штаны просиживает, – продолжал раздавать ценные указания ББ.

– Хорошо, возьму.

Ника открыла свой «следственный чемодан», представлявший собой сумку для ноутбука, переоборудованную под нужды следователя. В ней лежали чистые бланки протоколов, бирки, ручки, резиновые перчатки, бумажные конверты и множество мешков для мусора – главные атрибуты следственной работы. Все было на месте.

Еще раз вздохнув, Ника полезла в шкаф за одеждой для выезда.

Все куртки, джинсы и ботинки Ники делились на две категории. В поношенной одежде и обуви она ездила на выезды. Копоть от пожаров и кровь плохо отстирываются, по этой причине наряды для выездов коротко можно было на-

звать: «если что, выбросить не жалко». Зимой образ дополняли теплые горнолыжные штаны.

Переодевшись, Ника решила сходить за практикантом Макса и позвать его на выезд. Практикант, совсем молоденький парнишка, пришел в отдел неделю назад и гордо сказал, что его зовут Иннокентий. Иннокентия быстро переименовали в Кешу и посадили в архив разрешать отказные материалы Макса и Ники.

– Иннокентий, привет! Собирайся, поедешь со мной на выезд! – скомандовала Ника.

Кеша с огромным энтузиазмом вскочил из-за стола и возбужденно спросил:

– А что за выезд?

– Убийство.

– Убийство? Там будет настоящий труп?

– Нет, трупа там не будет. Его вчера Максим Николаевич осмотрел.

– Ну вот... – расстроился Иннокентий. – Я так хотел посмотреть на настоящий труп.

– Успеешь еще. Сейчас посмотришь на настоящий коллектор теплотрассы.

Услышав эти слова, Иннокентий оглядел себя. Сегодня он пришел на практику в щегольском костюмчике с платком в нагрудном кармане, явно не предполагая, что его день продолжится столь экстремальным образом. Но ничего Нике не сказал, а быстро надел пуховик и пошел вслед за ней.

Ника уже закрывала дверь кабинета, поставив на пол тяжелый следственный чемодан. Вместе с Кешей она бодро побежала вниз по лестнице, чтобы заняться любимым делом всех настоящих следователей – попробовать догнать вчерашний день.

У входа в отдел уже газовала дежурка-газелька, в которой, помимо водителя, сидели эксперт-криминалист с забавной фамилией Новенький и начальник уголовного розыска Коля Ткачук. Поздоровавшись с членами следственно-оперативной группы, Ника пролезла на заднее сиденье и примостилась там со своим чемоданом. В теплой зимней куртке и штанах Ника ощущала себя неуклюжей медведицей, которую посреди зимы подняли из берлоги, но на выезде тепло и комфорт явно приоритетнее, чем стиль и красота. Практикант Иннокентий воробушком юркнул вслед за ней.

Поприветствовав Нику, Коля спросил:

– А что тебя отправили? Вчера же Макс выезжал.

– Макс на учебе. Меня выбрали по географическому принципу, мы же с ним в одном кабинете сидим.

– Блин, как вчера не разглядели эти сорок ножевых? – продолжил удивляться Ткачук. – Я сам вчера не ездил, но вроде там Турусов лично все смотрел.

– Сорок ножевых! – ахнул Иннокентий. – Как круто! Ника Станиславовна, а можно вопрос?

Ника спохватилась:

– Это Иннокентий, наш практикант. Да, конечно, можно

вопрос, Кеша, что ты спрашиваешь?

– А как Максим Николаевич вчера не увидел сорок ножевых ранений?

– Ой, этот вопрос не тебя одного интересует, – хором засмеялись опер и эксперт.

Ника усмехнулась. У нее было два ответа на вопрос Кеша: педагогичный и не очень педагогичный.

Истина была на самом деле проста. На гнилостно-измененном трупe, если очень пристально его не разглядывать, действительно многого можно не увидеть. А любителей осмотреть «гнилушку» во всех ее тошнотворных подробностях среди следователей мало. Ника часто удивлялась, как следователями работают очень брезгливые люди, которые боятся потрогать даже «свежий» труп, залезть к нему в карманы, а в особо запущенных случаях и подойти к покойнику поближе. При этом такая сверхбрезгливость не всегда сочеталась с раздолбайством и полной профессиональной несостоятельностью. Среди брезгливых следователей встречались и мастера допроса, и мощные аналитики, шелкавшие дела об экономических преступлениях как орешки. Ника старалась по максимуму использовать отпущенную ей природой способность абстрагироваться от неприятных картин и запахов, потому что самый простой способ убить расследование, раскрытие и перспективу направления уголовного дела в суд – некачественно сделать осмотр места происшествия.

В то же время прилюдно критиковать Макса за поверхностный осмотр было бы нетактично по отношению к другу и коллеге. А сказать юному Иннокентию, что осмотр места происшествия можно делать как попало, тоже нельзя. Это как вырастить плохого следопыта своими же собственными руками.

Все это пронеслось в голове у Ники, пока она формулировала окончательный ответ.

– Труп гнилой, осмотрели не очень внимательно. В этом нет ничего хорошего, но такое иногда бывает.

– Понятно! – Кеша с благоговением посмотрел на Нику, будто она изрекла какую-то невероятную мудрость. – А Максим Николаевич уже завел уголовное дело?

– Заводят патефон. А уголовное дело возбуждают, – отозвалась Ника, вызвав своим ответом очередной восторженный взгляд юного практиканта.

– А вот и приехали! – сказал Ткачук. – Вот этот коллектор. Дежурка остановилась рядом с теми же кустами, которые вчера штурмовал Макс Преображенский. За сутки в заснеженной лесополосе мало что изменилось. Вот автомобильная дорога Бродск – Глухарево. Вот сверток в сторону Бродской городской свалки. А вот и сам коллектор.

– Коля, нам бы где-нибудь достать второго понятого. Первым Иннокентия запишем.

– Сейчас кого-нибудь со свалки приведу. – Ткачук, утопая в снегу, пошел по дорожке в сторону свалки.

– Я предлагаю не ждать Колю, давай залезем вниз, посмотрим, есть ли там что-то достойное нашего внимания? – предложила Ника эксперту-криминалисту.

Немногословный Саня Новенький кивнул ей в ответ.

– Иннокентий, посвети нам.

Ника вручила практиканту фонарик и вместе с экспертом спустилась по шаткой лесенке вниз. Кеша поспешил спуститься за ними.

Ника еще ни разу не была внутри коллектора. Внизу оказалась небольшая камера размером примерно три на четыре метра и трубы. Больше ничего.

Эксперт Новенький и Ника внимательно осмотрели пол и стены, освещая их фонариком. Ничего интересного они не нашли. На месте, где лежал труп, осталось темное, вонючее пятно, но других пятен, в том числе похожих на кровь, в коллекторе не было.

– Давай с места, где труп лежал, возьмем соскоб, – сказала Ника.

– Хорошо, – ответил эксперт. – О, смотри, что нашел! На лестнице какой-то клочок торчит! Волокна. Будем забирать?

– Ага, и волокна давай! Похоже, что нашего потерпевшего убили не здесь, – начала размышлять вслух Ника. – Крови внутри нет.

Делать в коллекторе больше было нечего. Ника и ее команда вылезли наружу. Через кусты к ним шел Ткачук и вел за собой какого-то бомжеватого вида товарища, опирающе-

гося на самодельный костыль. Присмотревшись, Ника узнала в нем Одноногого Петю.

– Здравствуй, хозяйка! – Петя тоже узнал Нику.

– Ника, слушай! Вот этот мужчина со свалки видел, как неделю назад к коллектору приезжал автомобиль и стоял долго.

– Что за автомобиль?

– «Нива» вроде, хозяйка. Серая, – пробормотал Петя.

Из рассказа бомжа картина вырисовывалась следующая.

Примерно неделю назад Петя Одноногий решил провести своего друга Иваныча, проживавшего в стороне от бомжацкого городка в уже упомянутом коллекторе теплотрассы. Морозным декабрьским вечером Петя подошел к коллектору со стороны леса, но увидел, что у жилища его приятеля стоит «Нива», рядом с которой копошится какой-то мужчина. Бомжи – народ чрезвычайно осторожный, поэтому Петя к коллектору сразу решил не подходить, а дожидаться отъезда мужчины на «Ниве».

– Этот мужик возился там минут двадцать, наверное. Я уже стал совсем замерзать, – продолжил свой рассказ бомж. – Он что-то из багажника «Нивы» достал, вроде мешка, и вниз в коллектор скинул. А потом еще сам в него залез минут на пять. А потом выехал на трассу и уехал.

– В сторону Бродска или в сторону Глухарево? – спросила Ника.

– В сторону Бродска вроде.

– Номер точно не помнишь? – уточнил у бомжа Коля Ткачук.

– Нет, не помню, – пробормотал Одноногий Петя. – Хозяйка, не найдется ли чего для сугрева? – жалобно спросил он у Ники, намекая на то, что вчерашние сто рублей «на проезд» уже были пропиты.

– Так, давайте я сначала вас допрошу, а потом уже обсудим ваш «сугрев». – Ника села на пенек, который вчера облюбовал Макс, достала из следственного чемодана папку-планшет и начала заполнять протокол допроса свидетеля – Пети Одноногого.

– Вы в коллектор после отъезда мужчины на «Ниве» заглядывали? – продолжила пытаться бомжа Ника.

– Заглянул, хозяйка, но мельком. Увидел, что там мужик мертвый лежит, испугался и ушел.

– А что про мужика мертвого сразу никому не сказали?

– Да зачем мне это? – искренне удивился бомж. – Так скажешь кому, потом меня и затаскают. Сами, что ли, не знаете?

– А друг твой Иваныч куда делся?

– Да не знаю. Может, к сестре пошел. У него сестра в Бродске живет, в его квартире. Выгнала она Ивыныча, когда тот забухал, вот он тут и поселился. А так увидел, что у него мертвяк лежит, может, к сестре и пошел.

– Мужчину на «Ниве» разглядели?

– Не, хозяйка, не смог. Далеко он от меня был, да уже и смеркалось. Высокий, плечистый. Одежда у него была типа

камуфляжа. Если покажете, может, и смогу узнать.

«Что ж, круг потенциальных подозреваемых невероятно широк: высокий мужчина в камуфляжном костюме на “Ниве” серого цвета. Да это же каждый второй житель окрестных деревень», – подумала следователь Речиц.

Она допросила бомжа, составила протокол осмотра места происшествия и решила, что на этом с работой на месте обнаружения трупа можно заканчивать. Убивали неизвестного явно не здесь. Хотя в своей практике Ника иногда сталкивалась с ранениями, почти не оставившими следов крови, но сорок ножевых в спину явно к ним не относились.

На обратном пути следователь Речиц коротко обсудила с Колей Ткачуком их дальнейшие действия.

– Надо сейчас исхитриться и установить личность потерпевшего. Я поеду в морг, переговорю с экспертом, изыму образцы и шмотки с трупа, посмотрим, может, будет от чего оттолкнуться. А тебе я дам поручение произвести выемку записей камер видеонаблюдения с трассы. Может, они еще сохранились? – начала рассуждать вслух Ника.

Коля скептически помотал головой.

– Вряд ли сохранились, Никуш. Но попытка – не пытка.

Кеша, сидевший рядом с ними, восхищенно вертел головой, поглядывая то на Нику, то на Колю, блеснул круглыми глазами и в своем неприкрытом восторге от происходящего походил на веселого щенка.

– Николай Юрьевич, а можно вопрос? – внезапно подал

голос Иннокентий.

– Конечно можно, Кеша, – улыбнулся Коля.

– А почему записи с камер видеонаблюдения могли не сохраниться?

– Да камеры по большей части не очень дорогие и не могут хранить информацию долго, негде просто. И записывают поверх уже записанного. А времени, судя по всему, прошло прилично, около недели.

Дежурка довезла Нику и Кешу до отдела. Там они распрощались с опером, экспертом и водителем, и пересели в автомобиль Ники, чтобы ехать в морг. Ника торопилась, обеденное время уже близилось к завершению, а у судебно-медицинских экспертов из-за их весьма специфической деятельности установлен сокращенный рабочий день, и после трех часов дня в бюро уже никого из них не найдешь. А Нике очень хотелось переговорить с экспертом Рябоконе лично и узнать, что же ей удалось выжать из вскрытия сильно разложившегося трупа.

Криминальные гнилые трупы – это серьезная головная боль для следователя. Причину их смерти установить не представляется возможным из-за далеко зашедшего процесса разложения, следы от телесных повреждений тоже могут не сохраниться. Так что Нике еще в какой-то степени «повезло», что неизвестного из коллектора зарезали: следы орудия убийства могли отобразиться на костях жертвы.

По дороге в морг Ника молчала, прикидывая, о чем рас-

спросить эксперта Рябоконь. Кеша тоже затих.

Паркуя свой автомобиль у четырехэтажного здания с огромной надписью «Судебная экспертиза», следователь Речиц спросила у юного практиканта:

– Трупов боишься?

– Вроде нет, – неуверенно ответил он.

– Вот сейчас и узнаем, – подмигнула ему Ника.

Они зашли в здание бюро. Следователь Речиц решительно двинулась в сторону танатологического отделения. По мере приближения к дверям, за которыми скрывались секционные, запах трупов и формалина усилился. Боковым зрением Ника заметила, что практикант Иннокентий побледнел, но старался держаться мужественно. Перед секционными они накинули на плечи халаты, и Ника Станиславовна распахнула дверь, отделявшую мир живых от мира мертвых.

В коридоре морга стояли каталки с трупами, в секционных копошились санитары. По мнению Ники, ничего особо страшного в морге не было. Встречаясь с мертвецами почти каждый день, следователь Речиц научилась не испытывать при виде усопших никаких особых эмоций. Конечно, иногда чувства все же брали верх над разумом, например, на выездах на труп ребенка. Но чаще всего Нике удавалось не ассоциировать мертвое тело перед собой с человеком. Она, начав работать следователем, стала верить в существование души, уж очень сильно менялись люди после смерти. Казалось, что после того, как душа отлетала в лучшие миры, на земле

оставалась лишь оболочка, больше похожая на сломанную куклу, чем на человека. Эта теория неплохо помогала Нике абстрагироваться от излишних размышлений о природе жизни и смерти на местах происшествия и сосредоточиться исключительно на решении следственных задач. Вот и сейчас она спокойно протопала, шурша своими горнолыжными штанами, мимо мертвецов на каталках, потянула за рукав остановившегося было поглазеть Кешу, открыла маленькую дверь на лестницу и поднялась вместе с практикантом на второй этаж. Там располагались рабочие кабинеты судебно-медицинских экспертов.

Свое дело Ольга Даниловна Рябоконь знала очень хорошо. Ника уже неоднократно встречалась с ней на местах происшествия, Рябоконь делала по ее делам экспертизы, поэтому должна была ее помнить.

Попросив Кешу подождать в коридоре, Ника постучала в дверь кабинета Ольги Даниловны.

– Войдите! – раздалось конральто эксперта из-за двери.

– Здравствуйте, Ольга Даниловна! – поприветствовала ее Ника.

– О, Ника, привет! Тебя, что ли, отправили по поводу вашего зарезанного? – удивилась эксперт Рябоконь. – Проходи!

Ника зашла в кабинет, села на стул, стоящий рядом со столом эксперта, расстегнула куртку и сняла шапку – разговор явно предстоял долгий.

– Представляешь, какой сюрприз? Расписали мне некриминальную «гнилушку», начинаю вскрывать, а тут такое... Чем там ваш Преображенский на труп смотрел, непонятно. Только куртку с трупа сняли, вот они, повреждения: и на свитере, и на спине. – Ольга Даниловна развернула к Нике монитор своего компьютера и, используя ручку как указку, стала показывать ей свои открытия.

– Значит, на куртке никаких повреждений не было?

– Нет, не было, – покачала головой эксперт Рябоконь. – Потом посмотришь куртку, она внутри вся в крови и продуктах гниения. А на свитере и футболке есть повреждения.

– Это хорошо, назначу медкрим по одежде. Сколько точно повреждений?

– Я ровно сорок насчитала.

– Какое примерно орудие, не понятно?

– Слушай, тут тебе ребята из медико-криминалистического отделения точнее скажут, но орудие было неширокое и не очень длинное. Как вариант, кухонный нож, – пожала плечами эксперт.

– Что давности, Ольга Даниловна?

– Ну, тут мы не всесильны, – развела руками Рябоконь. – Сгнил он в коллекторе. Думаю, что не меньше недели он точно лежит. Кстати, судя по зубам, ваш потерпевший был в возрасте тридцати пяти – сорока пяти лет. Зубы, кстати, хорошие, он – не частый пациент стоматолога. Волосы темно-русые.

– А, кроме ножевых, есть еще какие-то телесные повреждения? – уточнила Ника.

– Хороший вопрос, – хитро посмотрела на нее Ольга Даниловна. – Есть еще телесные повреждения. Нос у него сломан и на мягких тканях шеи я обнаружила кровоизлияние в виде полосы. Вот, посмотри! – Она снова показала Нике фотографию.

– Похоже на след от удавки, – заметила та.

– Ну, тут вы как следователи сами разбирайтесь, от удавки или нет, – ответила эксперт. – Но похоже на то.

– Ясно. Спасибо большое! – Ника встала, попрощалась с любезной Ольгой Даниловной и вышла в коридор. Ей осталось изъять у санитаров одежду с трупа неустановленного мужчины, а также биологические образцы для проведения геномного исследования, и именно для этих целей она и прихватила с собой Иннокентия, которому снова предстояло стать одним из понятых.

Кеша, ожидая свою наставницу, изучал на стене плакат с изображением поздних трупных явлений. Речиц свистнула ему, и они вдвоем снова спустились на первый этаж, вернулись в коридор морга, где напротив входа в дальнюю «гнилую» секционную, предназначенную для исследования особо разложившиеся трупы, притулилась комната санитаров. Угрюмый санитар притащил пакет с одеждой и конвертики с образцами, он и его не менее суровый коллега расписались в протоколе, и следователь вместе с практикантом наконец-то

вернулись на свежий воздух. Пристроив изъятое в багажник, Ника села за руль и вырулила с парковки бюро.

– Ну, как тебе? – спросила она у Кеши.

– Здорово, Ника Станиславовна! Мне так понравилось, у вас такая интересная работа! А вы найдете, кто убил того мужика?

– Да кто это знает? Постараемся найти. Видишь, первая сложность заключается в том, что мы пока не знаем, кто наш убитый.

– А как вы будете устанавливать его личность?

– Поищем среди «потеряшек». Геном проверим по базам учета. Много разных способов. Поживем – увидим, – вздохнула Ника.

Вернувшись в отдел, Ника отправила Кешу отнести пакет с одеждой неизвестного мужчины в подвал, а сама заперлась в кабинете и с удовольствием сняла горнолыжные штаны, шуршание которых ей уже изрядно надоело. С грустью подумав, что обед она пропустила, Ника решила, что сейчас развесит вещи трупа на просушку, быстренько их осмотрит, а потом постарается уйти домой пораньше. Из-за того, что Ника внепланово поработала сегодня на месте происшествия и не успела закончить обещанное на выход дело, суббота и воскресенье обещали быть рабочими.

Вооружившись двумя парами резиновых перчаток, ножницами, большим ватманом и ключами от «вещдочки», Ни-

ка спустилась в подвал следственного отдела. Именно там размещалось помещение для хранения вещественных доказательств, а также комната с небольшим окошком, в которой можно было просушить окровавленную или мокрую одежду, которая во влажном состоянии могла очень быстро сгнить. А по сгнившей одежде никакие экспертные исследования уже не проведешь.

Ника отдала Иннокентию ватман и сказала, чтобы он постелил его на пол.

– А зачем нам ватман, Ника Станиславовна?

– Вещдоки будем фотографировать, – ответила ему Ника. – На, держи еще номерки.

Она сфотографировала пакет с биркой до нарушения целостности упаковки, а потом разрежала пакет. Помещение «вещдочки» моментально наполнилось трупным запахом. Одежда была пропитана гнилостной жидкостью и кровью. Ника заметила, что практикант слегка поморщился.

«Что же, пока парнишка держится молодцом, – подумала следователь Речиц. – На трупы отреагировал спокойно, с запашистыми вещдоками помогает».

– Ника Станиславовна, а как у вас получается не обращать внимания на запах? – спросил любопытный Иннокентий.

– Привыкла, – пожала плечами она. – Но сразу скажу, что если бы этот запах для меня был совсем невыносим, я бы не пошла сюда работать. Так что нюхай и определяйся, нравится тебе такая работа или нет, пока ты еще студент, – улыб-

нулась она.

Ника извлекла из пакета куртку, повертела ее в руках, проверила карманы. Внутренняя поверхность куртки оказалось обильно пропитана веществом бурого цвета, но никаких повреждений, как и сказала Нике эксперт Рябоконь, на куртке не было. В карманах пусто. Что ж, у убийцы, судя по показаниям Пети Одноногого, было много времени, чтобы очистить карманы от того, что могло бы помочь установить личность убитого. Куртка оказалась весьма добротной, с толстой подкладкой, так что версию о том, что потерпевший мог быть бомжом, можно было сразу отбросить. Затем Ника достала из пакета свитер и футболку, со стороны спины оба предмета одежды были изрезаны ножом практически в лоскуты.

– Видишь, Иннокентий, и футболка, и свитер обильно пропитаны веществом бурого цвета, похожим на кровь, – то ли спросила, то ли вслух прокомментировала увиденное Ника.

– Вижу! – Лицо практиканта снова стало выражать восторг, уже замеченный Никой на месте происшествия. – А почему вы говорите, что вещество, похожее на кровь? Это же точно кровь!

– А кровь это или, к примеру, варенье, нам потом эксперты в своем заключении напишут, – улыбнулась Ника.

– Судя по запаху, это вряд ли варенье, – снова поморщился Кеша. – А почему она бурая? Кровь же красная!

– Ох, кровь бывает не только красная, но и бурая, коричневая, почти черная и даже немного зеленая, когда начинает гнить, – провела ликбез Ника. – На, держи! Раскладывай на ватман и с номерком и масштабной линейкой фотографируй с двух сторон. Ярлычки и повреждения сфотографируй крупнее.

Пока Иннокентий возился с вещами и ватманом, Ника снова нырнула в пакет с вещами, достала оттуда носки и кроссовки.

– Кроссовки хорошие, фирменные. Точно не бомж, – прокомментировала она и передала вещи Кеше.

Наконец из пакета были извлечены джинсы потерпевшего, тоже все в каких-то пятнах. Визуально было непонятно, это была то ли кровь, то ли трупная сукровица. «Экспертиза покажет», – подумала Ника. Но тут ее ожидал приятный сюрприз: в кармане джинсов она нашла чек из кафе. И, судя по названию кафе, располагалось оно на границе Энской области и Алтайского края. «Грани Алтая». Ника как-то раз и сама там обедала.

Что же, уже есть какие-то зацепки.

– Все сфотографировал? – спросила она у Иннокентия. – Давай еще чек отдельно, крупным планом. А потом пошли, все развесим на просушку.

К одной из стен «вещдочки» были приделаны деревянные палки. Разместив на них все осмотренное, кроме, разумеется, обнаруженного в кармане чека, Ника и Кеша покинули

комнату хранения вещественных доказательств и поднялись наверх, в кабинет.

Стянув с рук перчатки, Ника позвонила Коле Ткачуку:

– Коля, привет! У меня для тебя две новости: наш потерявшийся, судя по одежде, был довольно обеспеченным человеком и был как-то связан с Алтайским краем. Давай проверим сводки, может, на Алтае заявляли каких-нибудь подходящих безвестников?

Вечером дома Нику ожидали тушеный кролик и ее бойфренд – следователь по особо важным делам Сергей Погорельцев, с вальяжным видом расхаживавший по ее кухне, демонстрируя свой несравненный кулинарный шедевр. Погорельцев был в отпуске, свободного времени и энергии у него было много. Подав Нике тарелку с сервированным кроликом, он сел напротив и уставился на нее, явно ожидая похвалы.

Ника так устала за день, что, начав жевать кролика, почти не ощутила вкуса. Есть особо не хотелось. Бывали дни, когда, вернувшись с работы, сразу хотелось рухнуть на диван и уснуть глубоким и долгим сном, желательно без сновидений. Этот день оказался именно таким.

– Очень вкусно, – выдавила из себя Ника, предполагая, что кролик может быть вполне себе ничего, это просто она слишком измотана, чтобы его оценить.

– Как дела на работе? Ты подумала насчет конца месяца? –

Погорельцев явно жаждал общения.

– На работе убийство новое мне отписали, работала по нему сегодня. По поводу конца месяца я тебе уже вчера все сказала: я не буду отпрашиваться и пытаться меняться дежурствами. Я хочу спокойно сходить двадцать восьмого декабря на корпоратив, а первого января отдежурить. А уже во второй половине зимних каникул дня три отдохнуть, тогда и съездим на Алтай.

– Вот зачем тебе идти на корпоратив? – завел свою шарманку Погорельцев. – Что ты там не видела? Коллег своих пьяных?

По какой-то непонятной Нике причине Сергея раздражало ее слишком дружеское общение с коллегами.

– Почему пьяных коллег? Это мой коллектив, я хочу отметить с ними Новый год. Ты же на свой корпоратив идешь.

– Я могу ради тебя не ходить.

– А мне не надо, чтобы ты не ходил. – Нике за несколько дней уже сильно надоел этот разговор. Равно как надоел ей разговор про то, что надо с кем-то поменяться дежурством первого января.

Погорельцев снова начал объяснять, как ему хочется на Новый год уехать с ней на Алтай, но Ника уже устала слушать. Поблагодарив Сергея за кролика, она ушла в ванную, сбросила с себя одежду и встала под горячий душ. Ее устраивало в Сергее почти все, он заботливый мужчина, интересный собеседник, хороший любовник. Но его привычка вне-

запно настаивать на какой-то не особо важной, по мнению Ники, но очень важной, по мнению Сергея, ерунде, просто сводила ее с ума. В этом декабре у Сергея были три идефикс. Первая, что Нике не надо ходить на корпоратив. Вторая, что ей не надо дежурить первого января. А третья идея была вообще какая-то внезапная: Нике надо уволиться из Следственного комитета и найти себе работу поспокойнее. Ника с нетерпением ждала, когда Сергей забудет наконец про свои задумки, и она сможет снова приходить домой, не выслушивая это все.

Она окончила водные процедуры и прошла в комнату. Погорельцев лежал на диване и смотрел по телевизору какой-то фантастический фильм. Ника нырнула под одеяло, подползла к Сергею под теплый бочок и задремала под бормотание телевизора.

Примерно в час ночи она проснулась. Телевизор уже был выключен, Погорельцев негромко похрапывал рядом, обнимая ее во сне. Посмотрев на его спящее, пухлощекое лицо, всклокоченный вихор волос, Ника подумала, что небольшая занудливость и большая упертость – в целом довольно терпимые недостатки, которые не мешают ей любить этого человека больше всех на свете. Но работу по чьей-то указке она менять никогда не будет. Пусть даже это будет желание горячо любимого мужчины.

Последние дни декабря шли своим чередом. Коллеги вдо-

воль поиздевались над Максом Преображенским по поводу его выезда на сорок ножевых. Преображенский даже на время утратил привычное прозвище Профессор, присвоенное ему за фамилию, очки и внешний вид типичного ботаника. Сейчас все предпочитали называть его Остроглазым индейцем Джо. Макс, будучи человеком незлобивым, ни на кого не обижался.

Вообще конец декабря – странное время. Кажется, что год уже закончен, дела, запланированные к сдаче на этот год, уже направлены прокурору и можно немного отдохнуть и расслабиться. Но суточные дежурства и внезапные «темняки» никто не отменял.

С установлением личности неизвестного из коллектора и поиском его убийцы пока было глухо. Ника назначила все необходимые экспертизы, направила поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий, допросила в качестве свидетеля Иваныча, в «жилище» которого был обнаружен труп. Иваныч пояснил, что действительно примерно в середине декабря в сильные морозы попросился пожить к сестре и в своем коллекторе долго не появлялся, труп в нем не видел. Сестра Иваныча и его собутыльники подтвердили эту информацию, сообщив, что с середины декабря Иваныч отчаянно бухал в квартире своей родственницы и коллектор не навещал. Так что бомжи к смерти неизвестного, похоже, были непричастны.

В день корпоратива в шесть утра Нику разбудил звонок

Коли Ткачука.

– Никуш, привет! Я тебе вчера поздно вечером не стал звонить, но похоже, что нашлись родственники нашего труппа.

– Из коллектора? – спросонья прохрипела Ника.

– Да, из коллектора. Ты была права, это оказался фермер с Алтая. Жена к тебе уже едет. Вчера в Барнауле опознала его по фотографии.

– Господи, что там можно было опознать?.. – Ника присела на диване и попробовала окончательно проснуться.

– Одежда вся бьется, рост тот. Похоже, и правда он. Ты с утра будешь на месте? Ее к тебе направить?

– Направляй. – Ника понимала, что ее планы прийти на работу и побалдеть с коллегами до корпоратива, в предпраздничный день особо не отвлекаясь на работу, рушатся на глазах. – Потом я ее к тебе отправлю, поедешь с ней в морг на опознание.

Ника встала с дивана. Погорельцев сегодня ночевал у себя, поэтому в квартире было пусто и очень тихо. Наскоро собравшись и прихватив с собой пакет с нарядным платьем и туфлями на высоком каблуке, Ника спустилась во двор, завела автомобиль и поехала на работу.

В отделе уже царил праздничный обстановка. В комнате отдыха наряжали елку. Уже немного захмелевший шеф сидел в кабинете Речиц и Преображенского и третировал безответного Макса, давая ему указания, какие песни найти в

интернете и включить их для всеобщего прослушивания.

– Вот, Максим, найди мне эту. «Я поднимаю руки, хочу тебе сдать, ведь ты же так красива в свои восемнадцать», – затынул Борис Борисович именно в тот момент, когда Ника зашла в кабинет.

Заместитель руководителя Бродского межрайонного следственного отдела Денис Денисович Кораблев (он же ДД в кругу сотрудников отдела) сидел на приставном стуле у стола Макса и, как это часто бывало, делал вид, что не замечает разудалого настроения своего начальника.

– О, Ника Станиславовна, проходи! Доставай кружку, будем пить шампанское! – Жизнерадостный шеф извлек из-под стола бутылку шампанского и начал размахивать ею в воздухе прямо-таки по-гусарски.

– Борис Борисович, ко мне сейчас женщина приедет на опознание трупа по фотографии, – попыталась вернуть его в конструктивное русло Ника.

– Да гони ее отсюда! Зачем она сегодня нужна?! – Бориса Борисовича было не остановить.

Ника жалобно посмотрела на ДД. Тот откашлялся и предложил шефу забрать у Макса колонки и продолжить слушать Лепса в кабинете ББ. Борис Борисович оценил план, и мужчины наконец покинули кабинет, оставив следователя Речиц в одиночестве. Ника открыла сейф, порылась в нем, нашла уголовное дело, возбужденное по факту обнаружения трупа неустановленного мужчины в коллекторе теплотрассы, и

устроилась с ним за письменным столом, намечая, о чем же можно расспросить потерпевшую.

Жена, или уже, точнее, вдова мужчины, чей труп был обнаружен в коллекторе теплотрассы, постучала в дверь кабинета Ники уже через несколько минут. Пухленькая, заплаканная женщина проскользнула в кабинет и спросила:

– Вы – следователь Речиц?

Ника кивнула в ответ и пригласила присесть на стул.

И вот кажется, только что витал в кабинете дух праздника, раздавался из коридора смех Леси, слышались звуки музыки из кабинета ББ, шипело в кружках шампанское, гирлянда на елке подмигивала и дарила ощущение предновогоднего счастья, но появились на пороге кабинета эти полные отчаяния глаза, и словно затихло все вокруг перед лицом страшного горя.

– Мне сказали, что вы по фотографии опознали труп вашего мужа? – решила начать беседу Ника.

– Да, – прошелестела женщина. – Мне показали вчера фото. Там... – она закрыла лицо руками, – там был мой Леша.

Ника налила потерпевшей воды из графина.

– Постарайтесь успокоиться, насколько это сейчас возможно. Мне надо будет сейчас вас допросить, а потом вы вместе с оперативником проедете в морг.

Женщина взяла стакан и, преодолевая спазм в горле, начала пить воду. Она выглядела настолько измученной, что

Нике было безумно жаль ее сейчас допрашивать. Но она прекрасно понимала, что из-за отсутствия каких-либо сведений о личности неустановленного мужчины они и так потеряли очень много времени и сейчас должны максимально быстро установить, кто он такой, как оказался вблизи Бродска и кто же, вооруженный острым кухонным ножом, встретился на его пути.

Рассказ потерпевшей оказался не очень длинным. Звали ее Надежда, вместе с мужем-фермером и тремя детьми она жила в небольшой деревне в Алтайском крае. Надежда и Алексей Шевкопляс много лет выращивали поросят, ездили в Энск продавать мясо, короче говоря, жили не тужили. Мясо в Энск Алексей возил дважды в месяц в небольшом грузовичке- рефрижераторе. Двенадцатого декабря он поцеловал жену и детишек, сел за руль своего автомобиля и уехал в Энск. Надежда ждала его обратно на следующий день к вечеру, но Алексей не вернулся и не позвонил. Его телефон был недоступен. Подождав еще день, Надежда побежала в местный отдел полиции, но, приняв у нее заявление о безвестном исчезновении супруга, сотрудники всерьез его не восприняли. Они озвучили женщине свои предположения, что ее муж загулял в Эрске на вырученные от продажи поросят деньги и, когда спустит их все на проституток, вернется домой.

– Но мой Леша не мог так поступить, он не такой, – всхлипнула Надежда.

«Конечно, не такой, – подумала Ника. – Все жены так ду-

мают. А материалов по загулявшим мужьям, которых жены потеряли, не счесть. И слава богу, что подавляющее большинство подобных историй заканчивается возвращением гуляки к родным пенатам, а не окровавленным трупом в коллекторе».

– Так, а родственники и знакомые у Алексея в Энской области были? – поинтересовалась следователь Речиц у Надежды Шевкопляс.

– Да, у Леша есть друг Сережа, он живет в Глухарево, в частном доме. Леша у него ночует, когда приезжает в Энск.

– А что говорил этот Сережа, когда Алексей пропал?

– Говорил, что он у него заночевал в ночь с двенадцатого на тринадцатое декабря и рано утром, примерно в четыре часа, уехал на Алтай.

«Странно-странно, – подумала Ника. – С другом Сережей надо будет познакомиться поближе. И побыстрее».

– Так, давайте полные данные этого Сережи: фамилию, имя, отчество, домашний адрес.

– Я только фамилию и имя знаю, – ответила Надежда. – Сергей Чеботков. – А адрес точный я не знаю. Село Глухарево, а где там, мне неизвестно. Я у этого Сергея никогда не была. Господи, кто же такое с Лешей мог сотворить? И за что?..

– Так, давайте в протоколе еще отразим сведения об автомобиле Алексея. Цвет, марку, госномер.

– Да, давайте, у меня даже есть с собой фото машины, сейчас достану, – засуетилась Надежда Шевкопляс.

Закончив допрос, Ника попросила вдову подождать на лавочке в коридоре, а сама позвонила Коле Ткачуку:

– Коля, похоже, нам сегодня надо навеститься в Глухарево к другу нашего трупа. Он на данный момент последний, кто видел его живым.

– Блин, Ника, у нас сегодня корпоратив, – в голосе Коли напрочь отсутствовал какой-либо энтузиазм.

– У меня тоже корпоратив. Но у нас есть реальный шанс на раскрытие, а так этот чертила почует, что жареным запахло, и свалит куда-нибудь, – пыталась нагнать жути Ника. – Давай, отправь кого-нибудь с женой трупа в морг на опознание, а сам забери меня и эксперта и поехали в Глухарево обыск делать.

– По «неотложке»? – печально вздохнул Коля.

– По «неотложке». Давай поработаем в уходящем году. Или мне звонить Турусову и жаловаться на тебя? – нахмурила брови следователь Речиц.

– Ника, что начинаешь? Нормально же общались, без негатива, – засмеялся Коля. – Сейчас отправлю Кочеряпкина за потерпевшей и в морг, а сам выдвигаюсь к тебе. Как думаешь, надолго мы в Глухарево? – с тоской в голосе продолжил начальник уголовного розыска.

– В наших интересах, чтобы наш фигурант оказался нашим же жуликом. Вас что, руководство перестало сношать за «темняки»? – задала Ника чисто риторический вопрос.

– Да конечно, не перестало, – уныло согласился Коля.

Закончив беседу, Ника вышла из кабинета, закрыла его на замок, объяснила потерпевшей Шевкопляс, что сейчас за ней придет опер-розыскник Кочеряпкин, а сама решила доложить о сложившейся следственной ситуации своему руководству.

Судя по звукам, раздававшимся из кабинета ББ, тяга к песням Лепса его не оставила.

– То-о-оль-ко-о... рю-ю-юм-ка во-о-одки на сто-о-ле-е-е... – ББ вторил Лепсу громким фальцетом.

Ника поскреблась в дверь кабинета, но заходить не стала. На ее счастье, из кабинета вышел Денис Денисович Кораблев, заместитель руководителя следственного отдела, прекрасно уравнивающий своего босса в его праздничных порывах, так как сам алкоголь давно не употреблял и песни петь не любил.

Ника коротко сообщила ему, что личность неизвестного из коллектора установлена, что установлен человек, у которого погибший ночевал незадолго до смерти и что она планирует в ближайшее время зайти к нему с обыском.

– Хорошее решение, – одобрил ее план Денис Денисович. – А то друг убитого сейчас узнает, что его нашли, и если он действительно причастен к убийству, то может скрыться сам или скрыть следы преступления. Поезжайте и спокойно работайте, а Борису Борисовичу я сам доложу, когда он, хм, допоеет.

– Ладно, поняла, – улыбнулась Ника. – Постараюсь вер-

нуться до корпоратива.

– Может, с вами Преображенского отправить? Его же грех этот ваш труп в теплотрассе...

– Да нет, не надо. Зачем всем праздник портить? Отстреляюсь за себя и за того парня.

Следователь Речиц почему-то пришла в прекрасное расположение духа, хорошо знакомое всем следователям. Ника про себя называла его чувством гончей, почувствовавшей след. Именно это чувство и помогает следователю пережить бессонные ночи, изматывающие дежурства, агрессию со стороны жуликов, потерпевших и свидетелей, вонь от бомжей и разложившихся трупов и все прочие прелести следственной работы. Когда Ника понимала, что гончая проснулась и чувствует след, когда начинала пульсировать на ее шее «следственная жилка», наступали именно те минуты, ради которых хотелось жить и работать.

Что тут еще скажешь. Следователи все немного ненормальные.

Коля приехал за Никой на дежурке вместе с двумя операми и экспертом-криминалистом. Зимнее солнце светило ослепительно ярко, заснеженные поля белыми покрывалами расстилались по обе стороны трассы, и дорога до Глухарево оказалась весьма приятной. У въезда в село их уже поджидал местный участковый Геннадий Перегудин на своей «Ниве».

– Вот кому из Следственного комитета накануне Нового

года дома не сидится, – засмеялся он, увидев Нику.

Именно Перегудин сообщил Нике и Коле точный адрес, по которому проживал интересующий их Сергей Чеботков, и дал ему краткую характеристику.

– Обычный мужик, ни в чем подозрительном не замечен, работает на ферме у Медкова.

– А Медков – это кто такой? – сразу решила уточнить Ника.

– А это местный коммерс среднего пошиба. У него ферма и кафе. «Горячие беляшки» у шоссе, знаешь поди.

– Да кто же не знает «Горячие беляшки», – улыбнулась Ника. – Они так часто согревают нас после выездов холодными зимними и осенними вечерами.

Мужчины одобрительно закивали, вспоминая замечательный вкус и аромат беляшей из придорожного кафе. Для фастфуда беляши были невероятно хороши, и каждый, кто знал об их достоинствах, старался, проезжая Глухарево, обязательно их отведать. Естественно, что вечно голодные следователи и оперативники были частыми посетителями «Горячих беляшиков».

– Так, забыли пока про беляшки, погнали на обыск, – потряхнула головой Ника.

Дежурка двинулась следом за автомобилем Перегудина. Проехав по главной улице села, машины свернули в один из проулков, где и остановились у добротного деревенского дома с зеленой крышей.

Прихватив двух соседей – молодую семейную пару в качестве понятых, следственно-оперативная группа подошла к калитке. Коля постучал в нее, в ответ из-за забора громко залаяла собака.

Через пару минут калитка распахнулась. Перед ними предстал двухметровый мужик в камуфляжной куртке, отличительной особенностью внешности которого, безусловно, являлась длинная, черная, окладистая борода, придававшая ему сходство с пиратом.

«Пират» посмотрел на незваных гостей мрачно, особенно огорчил его вид участкового Перегудина в форменном обмундировании.

– Здравствуйте, я – следователь Бродского межрайонного следственного отдела Речиц Ника Станиславовна, а это сотрудники полиции. У меня есть постановление о производстве неотложного обыска в вашем жилище, – представилась Ника, помахав служебным удостоверением перед носом бородача.

– Какой обыск? Что случилось? – Сергей Чеботков выглядел удивленным.

– Обыск связан с убийством вашего знакомого Алексея Шевкопляса. У вас же был такой друг?

– В смысле «убийством»? Ничего понять не могу, – забормотал Чеботков. – Он же уехал от меня в середине декабря, что за ерунда?

– Еще скажите, что вы не в курсе, что Шевкопляс про-

пал, – вступил в беседу Коля Ткачук.

– В курсе, конечно. – Чеботков переводил глаза с Ники и Коли на соседей-понятых, стараясь хотя бы в ком-то усмотреть признаки сочувствия. – Я думал, что он загулял где-нибудь с какой-нибудь сочной бабенкой. Он по этой части большой мастер... был, – добавил он после небольшой паузы. – Правда, что ли, его убили?

– Да, – коротко ответила Ника. – Давайте вы пропустите нас в дом. Нам надо сделать у вас обыск. Похоже, что вы – один из последних, кто видел его живым. Если не самый последний.

– На что вы намекаете?! – взорвался Чеботков. – Да мы с Лехой – друзья настоящие, он у меня всегда останавливался, зачем мне его убивать?

– Да по пьянке чего не бывает, – решил внести в беседу философскую нотку ранее молчавший участковый. – Сергеевич, давай не будем людей на морозе держать, пошли в доме и в ограде все посмотрим. Если ты не виноват, чего тебе скрывать, верно?

– Верно, – вздохнул Чеботков и впустил следственную группу.

Во дворе Коля дернул Нику за рукав и молча кивнул в сторону хозяйственных построек – возле них была припаркована «Нива» серого цвета.

Начать решили с обыска в доме. Пока Ника и эксперт внимательно осматривали стены и половицы, перебирали одеж-

ду и ножи в поисках следов крови, Коля и участковый Перегудин «пытали» Чеботкова по поводу его последней встречи с Шевкоплясом.

– Ну, Леха приехал ко мне накануне. Он ехал из Энска, где мясо продал. Довольный был очень, много денег выручил. Сказал, что теперь детишкам на Новый год можно будет хорошие подарки справить. Ну, выпили вечером, посидели, в баню сходили. А утром в четыре часа он уехал, и все, больше я его не видел. – Бородатое лицо Чеботкова продолжало выражать крайнюю степень недоумения: то ли он действительно был поражен сообщением о смерти закадычного друга, то ли обладал незаурядными актерскими способностями.

– Ника, смотри! – Эксперт-криминалист ткнул пальцем в перчатке в дверной косяк. – Бурые следы, на кровь похожи.

– А мы сейчас проверим, кровь это или нет. – Ника извлекла из следственного чемодана коробочку с полосками Гемофан – экспресс-тестами для определения наличия следов крови, достала один из тестов и протянула его эксперту. – В случае, если это кровь, тест-полоска окрасится в синий цвет, – пояснила она происходящее понятным и Чеботкову. – Кстати, что это за следы? – спросила она у хозяина дома, отразив в протоколе сам вопрос и приготовившись зафиксировать ответ на него.

– Это кровь... – Вид у Чеботкова почему-то стал совсем жалким, он, очевидно, нервничал.

– Чья кровь? – суровым голосом спросила Ника.

– Лехина... – Тут Чеботков окончательно пал духом и опустил голову на кухонный стол. – Ой-ой-ой, что же теперь будет... Мы с ним в ту ночь подрались. Из-за бабы. Но я его не убивал. Христом богом клянусь!

– Так, понятно все. – Коля Ткачук моментально переместился поближе к Чеботкову, встал над ним, заблокировав все возможные пути передвижения. – Где твоё шмотье, в котором ты с Шевкоплясом подрался?

– Там... – Сергей ткнул в сторону спальни, где на полу валялась куча грязного белья.

– Так, работаем по полной программе, – резюмировала Ника.

Экспресс-тест показал, что на кухонном косяке действительно была кровь. Следы вещества бурого цвета, похожие на кровь, были обнаружены и на клетчатой рубашке Чеботкова. Обыск в машине, правда, особого результата не принес, но ввиду сложившейся следственной ситуации Ника решила на всякий случай изъять все резиновые коврики из автомобиля и снять автомобильные чехлы из салона. Такая же судьба постигла и все обнаруженные в доме ножи. Упаковав все изъятые в картонные коробки и большие мешки для мусора и снабдив пакеты бирками с пояснительными надписями, Ника закончила обыск. Теперь ей предстояло вместе с Чеботковым поехать в отдел полиции и, похоже, задержать Чеботкова.

В отделе полиции Ника нашла место поукромнее и, спря-

тавшись за пальмой, стоящей в коридоре, позвонила Денису Денисовичу, чтобы доложить о результатах обыска.

– Думаю, что Чеботкова надо задерживать, – сказала она в заключение.

– Да, похоже, что есть все основания. Да, давайте его задержим, Ника Станиславовна, а там по результатам допросов решим, что дальше с ним делать. Обвинение пока не торопитесь предъявлять.

Поговорив с руководством, Ника вернулась в кабинет оперов, где на стуле сидел глубоко опечаленный Чеботков, а Коля Ткачук стоял над ним и убедительно призывал его покаяться в убийстве Алексея Шевкопляса.

– Да не убивал я его! – Чеботков был уже на грани истерики. – Как вам это доказать?!

– Сейчас подъедет дежурный адвокат, мы составим протокол задержания, и я допрошу вас в качестве подозреваемого.

– Как подозреваемого? Я же ничего не делал! Вы чего на меня дело шьете?! – Чеботков стал повышать голос и начал размахивать руками, но его быстро осадил Коля, прихватив его за плечо. Несмотря на свой сублильный вид и ангельскую внешность, хватка у Ткачука была железная, и его прикосновение подействовало на бородатого великана отрезвляюще.

– Что мне делать? Как мне быть? Я его не убивал! – снова завел свою шарманку подозреваемый.

– Сейчас приедет ваш адвокат, у вас есть право на конфиденциальный разговор с ним перед началом первого до-

проса. Посоветуетесь с ним, что вам делать и как защищаться, – спокойно объяснила ему Ника порядок дальнейших действий.

У нее почему-то, несмотря на наличие весьма существенных улик, было стойкое предчувствие, что Чеботков не виноват в смерти своего друга. Слишком уж он был беспечен для убийцы. И если он действительно мог не заметить кровавый мазок на косяке, то уж от испачканной рубашки он точно должен был избавиться. А она спокойно лежала в куче грязного белья, будто дожидалась их прихода. «Странно, очень странно», – подумала Ника Речиц.

Тут дверь в кабинет оперов распахнулась и перед светлые очи присутствующих явился дежурный адвокат Бродской коллегии адвокатов Эдуард Эдуардович Толстобров. Толстобров был очень легок на подъем, любил дежурить сам и частенько подменял своих возрастных коллег. Из-за постоянных рабочих выездов он обыкновенно имел вид заспанный и немного помятый, чем сильно отличался от холеных адвокатов по соглашению.

– Всем привет! – кивнул он Коле и Нике. – Адвоката вызывали? Что тут у нас случилось?

– Случилась сто пятая. Это Чеботков Сергей Сергеевич, я сейчас буду его задерживать.

– Убили-то кого? – Толстобров уже рухнул на стоящий в кабинете у оперов диван, извлек из портфеля пачку ордеров и начал заполнять самый верхний из них.

– Друга Сергея Сергеевича, фермера, – ввела защитника в курс дела Ника.

– Вину признаете? – продолжил беседу Толстобров.

– Нет, я никого не убивал, товарищ адвокат!

– Ранее не привлекались?

– Нет, никогда. Да что же это такое? Меня что, и правда сейчас в тюрьму посадят? – снова занервничал Чеботков.

– Сейчас следователь даст нам время поговорить наедине, я все объясню, – ответил ему Толстобров.

Ника и Коля Ткачук вышли из кабинета, оставив Толстоброва с его подзащитным.

– Что думаешь? – спросил Ткачук у Ники.

– Знаешь, ничего, – пожала плечами следователь Речиц. – Мне кажется, что он не такой дурак, чтобы, убив друга, хранить столько времени в доме окровавленные вещи. Что-то тут не то.

– Но ты его задерживать-то будешь? – заволновался Коля.

– Буду, – ответила Ника. – Съездите к нему в ИВС, поговорите, может, и поколется. Может, и правда думал, что на него не выйдут. Меня еще знаешь какой вопрос сильно интересует? Где же автомобиль нашего фермера?

В родной отдел Ника вернулась уже под вечер, уставшая до предела. После беседы с адвокатом Чеботков от дачи показаний отказался, сославшись на статью пятьдесят первую Конституции, и так в гордом молчании в сопровождении

конвоя уехал в изолятор временного содержания.

А следователю Речиц предстояло разгадать ребус: причастен ли бородач к убийству своего закадычного друга или нет. Причем определиться ей предстояло очень быстро, так как если выходить в суд с ходатайством об аресте Чеботкова, делать это нужно завтра. А с учетом предпраздничных хлопот, приближающихся новогодних каникул и общего легкомысленного настроения Ника понимала, что ответственное решение ей предстоит принимать практически в одиночестве.

Отдел уже сиял огнями. Комната отдыха, в которой следователи обычно обедали и в случае необходимости спали на диванчике, преобразилась: в ней стояла небольшая елочка, на шкафах были развешаны гирлянды, а кухонный стол был уставлен праздничными яствами. За столом уже сидели принаряженные сотрудники следственного отдела, двое прокурорских и следователь-криминалист Топорков.

– Ну, что там у тебя, Ника, по «темному» убийству? – поинтересовался Топорков, закусывая водку салатом оливье.

– Да задержала друга нашего трупа из Глухарево. Дома кровь, на одежде есть кровь. Говорит, подрались накануне в ходе ссоры, но он его не убивал, – задумчиво протянула Ника, уже сменившая рабочий наряд на праздничный. Сейчас она всеми силами пыталась с той же легкостью стряхнуть с себя рабочее настроение, отвлечься от проблем и с чистой совестью начать праздновать наступление Нового года.

– И чего тебе не нравится? – удивился Топорков. – Доказательств куча.

– Не знаю... – нахмурилась Ника. – Такое чувство странное, будто что-то не то в этом деле, пока не могу понять, что именно.

– Ладно, хрен с ними со всеми, потом обсудим. На, выпей! – Топорков налил Нике шампанского, и она наконец-то присоединилась к застолью.

На следующее утро Нику разбудил будильник. У Бориса Борисовича была милая привычка устраивать предновогодний корпоратив не в последний рабочий день в году, а накануне. По этой причине после бессонной пьяной ночи сотрудникам отдела надо было с горем пополам проснуться и приползти на работу.

Ника прослушала трели будильника с ненавистью. Приподняла голову, посмотрела на спящего рядом Погорельцева. Последнее, что она помнила из вчерашнего вечера, это то, как она с бутылкой шампанского в руках рухнула на переднее пассажирское сиденье автомобиля Сергея и крикнула ему:

– Вези меня, извозчик, по гулкой мостовой!

Как они добрались до ее квартиры, Ника уже не помнила. Пошатываясь, она добрела до ванной комнаты. Там она разглядела в зеркале остатки своего праздничного макияжа, размазанного по опухшей физиономии, ужаснулась, вклю-

чила в душе очень горячую воду и начала приводить себя в порядок.

Через полчаса из ванной комнаты вышла уже почти обычная Ника Речиц – строгая и собранная. Натянув на себя привычные джинсы и свитер, Ника поцеловала в щеку спящего Погорельцева и, слегка пошатываясь, отправилась в отдел.

В последний рабочий день года она была особо рада тому, что жила недалеко от работы, так как с похмелья ехать куда-то на машине было невозможно. Окончательно взбодрившись на свежем морозном воздухе, Ника зашла в отдел в хорошем настроении и с желанием окончательно разобраться в уходящем году, что же ей делать с Сергеем Чеботковым: понять, простить и отпустить или же привлечь его к уголовной ответственности за убийство Алексея Шевкопляса.

Первым делом Ника решила обсудить насущную проблему с непьющим Денисом Денисовичем, так как, судя по ее воспоминаниям, остальные сотрудники отдела вчера были примерно так же веселы и разудалы, как и она сама. ДД уже был на рабочем месте, заваривал зеленый чай.

Ника зашла к нему в кабинет, поздоровалась, плюхнулась на свое любимое место – приставной стул у стола ДД, и начала делиться своими сомнениями.

– Не похож он на маргинала, который так зверски зарезал друга, не поленился избавиться от трупа и забыл, что надо куда-то деть окровавленную одежду, – пожимала плечами Ника. – Кроме того, когда мы пришли к нему с обыском, он

был явно недоволен, но не напуган. Он вообще не волновался, пока мы не начали вопросы про кровь на косяке задавать. Не знаю, что с ним делать. Вот все основания есть выходить в суд с ходатайством об его аресте, а душа к этому решению не лежит.

– Значит, надо как-то еще закрепитесь по доказательствам для того, чтобы самой определиться, – задумчиво сказал ДД. – Я припоминаю, что нашего убийцу видел бомж, тот, который у вас еще по другому делу свидетелем проходит. Проведите опознание. Если еще и бомж его опознает, у вас будет хорошая совокупность доказательств на него. Надо еще искать автомобиль и деньги. Мотив преступления с большой степенью вероятности корыстный. Узнайте, что у этого Чеботкова с материальным положением. Может, он в деньгах нуждался, а тут такой случай подвернулся.

– Я про опознание уже думала, – покачала головой Ника.

– Попробуйте сегодня организовать, позвоните операм, пусть притащат этого бомжа Петю. Если он опознает нашего жулика, будем суд напрягать под Новый год с арестом, если нет, то я согласен с вами, что не надо торопиться. Подождем экспертиз, может, что-то стрельнет.

Воодушевленная Ника пошла к себе, чтобы озадачить Колю Ткачука. На ее телефонный звонок заспанный Коля ответил не сразу.

– Ника, сегодня последний рабочий день, как я тебе сегодня организую опознание?

– А как я тебе на нашем вялом доказе в канун Нового года буду суд озадачивать арестом этого жулика? – возмутилась Ника.

– Да почему он вялый? Кровь есть? Есть. Терпила у него дома был? Был. Все как в аптеке.

– А как мы сейчас докажем, что кровь на косяке и одежде жулика образовалась именно в ходе убийства, а не от того, что он ему нос разбил, как он сам нам рассказывает, а? – начала сердиться Ника. – А опознанием мы может привязать жулика к месту сокрытия тела.

– Ты что, его все-таки решила отпустить? – начал просыпаться Коля.

– Если бомж его не опознает, то да. Я пока правда не вижу, чем опровергать его линию защиты. Отпущу под подписку, будем ждать, может, медико-криминалистическая экспертиза стрельнет, может, «геномка».

– Блин, Ника, ты нас режешь без ножа. Мы уже везде доложили, что раскрыли убийство мужика из коллектора, – начал заводиться Коля.

– Ну, это вы доложили, а не я. – Ника работала следователем не первый год и уже не велась на такие уловки оперов. – Давай, командуй своим, пусть тащат этого Петю. Может, все срастется у нас с этим Чеботковым и повод для споров отпадет сам собой.

– Блин, Ника, ну, будем пытаться. – Коля понял, что от работы сегодня он уже не отвертится.

К обеду участковый Перегудин отловил на свалке Петю Одноногого и привез его к изолятору временного содержания. Там же, из числа административно-задержанных, подобрали парочку похожих на Чеботкова бородачей. Чеботков и два статиста построились в коридоре, Ника представила Сергею самому выбрать любое место среди опознаваемых лиц. Чеботков встал посреди статистов и взял номерок с двойкой. По команде Ники в коридор завели Петю Одноногого. Петя, на удивление, был трезв и находился в приподнятом настроении.

Он внимательно осмотрел предъявленных ему для опознавания бородачей, покрутил головой вправо и влево, крикнул и сообщил Нике, что никого не узнает.

– Нет, хозяйка, эти на того мужика вообще не похожи. Тот был высокий, плечистый, но точно без бороды. Извиняй, – развел руками Петя.

– Ты присмотришься повнимательнее, – подал голос участковый Перегудин. – Может, отросла за это время борода.

– Ты меня, милый человек, за дурака не держи, – рассыпался мелким сухим смешком Петя Одноногий. – Я, конечно, бомж, но кое-что про бритье еще помню. Я этого чертилу у колодца видел две недели назад. Не вырастет за две недели такое богатство, – ткнул он кулачком в роскошную бороду Сергея Чеботкова.

Ника вздохнула и зафиксировала в протоколе результат

опознания: «опознающий ни на кого не указал».

Бомж вдруг замялся, будто решаясь, надо ему делиться своими умозаключениями или нет, но все-таки сказал:

– Вообще, хозяйка, вот он на того мужика похож, – и ткнул пальцем в участкового Перегудина. – И рост такой же и телосложение. Высокий и плечистый, но больно тощий. И вроде из-под шапки светлые волосы у того мужика виднелись.

Перегудин густо покраснел:

– Ну, это точно не я был, чего ты несешь?

– Я и не говорю, что это ты был, я говорю, что тот мужик на тебя был похож, – прошамкал Петя.

Ника на минутку задумалась, но потом все-таки внесла в протокол реплику Пети Одноногого. После опознания Ника попросила завести Чеботкова в следственный кабинет и вместе с адвокатом Толстобровым решила с ним переговорить перед уходом.

– Что теперь со мной будет? – снова спросил у нее Чеботков.

– Как видите, после опознания ваше положение улучшилось, свидетель вас не опознал, буду ставить вопрос о том, чтобы вас отпустить. Скажите, а никто не видел, как Шевкопляс в то утро от вас уходил? – спросила у него Ника.

Чеботков задумался.

– Вряд ли, – сказал он после минутного раздумья. – Было очень рано, примерно четыре утра. Зима, еще очень темно.

Можно попробовать у соседки моей, бабки Лизки спросить. Помните, молодая пара понятыми были? Это ее квартиранты, учитель с женой. Бабке Лизке уже сто лет в обед, бессонница, все дела. Могла заметить, как от меня Леха уходил. Спросите у нее, – попросил Сергей жалобно.

– Спросят, спросят, не переживай, – мягко утешил его адвокат Толстобров. – Ты не волнуйся, у следствия задача разобраться, как и что было, а не тебя посадить всеми силами.

– Ладно. Ника Станиславовна, разберитесь, пожалуйста. Мне совсем не нравится тут сидеть, – продолжал печалиться бородач. – Тем более из-за Лехи. Он мне как брат был. Кого угодно мог при случае покалечить, но только не Леху. На него у меня сто пудов рука бы не поднялась.

– Но вы же сами говорите, что в ту ночь подрались с ним? Значит, рука все-таки поднялась, – усмехнулась Ника.

– Так это из-за бабы было, не считается. Да и какая там драка, дал ему по морде пару раз для порядка, – возмутился Чеботков.

– Что за баба? – заинтересовалась следователь Речиц.

– Да вбил себе в голову, что Катька Медкова из «Горячих беляшиков» запала на него. Стал фантазировать, как с ней замутит. А я хоть с его Надюхой, с женой, не знаком толком, но очень ее уважаю. Трех детей ему родила, по мужикам не бегает, не перебирает их. Не то что моя свиристелка, которую я выгнал за измены, – разошелся Чеботков. – Я Лехе так и сказал, что Катька замужем, что нечего тут свои «мут-

ки-крутки» устраивать. А он мне не поверил, сказал, что она страдает в браке и надо ее утешить. А я то знаю, что никак она не страдает, а с жиру и со скуки бесится. Катька Медкова – это же жена моего начальника, я у него на ферме работаю! Специально у него кафе это выклянчила, чтобы было где перед мужиками хвостом вертеть! Ну, слово за слово, дал Лехе по морде, вот он от меня и ускакал в четыре часа ночи. Я, честно говоря, думал, когда услышал, что он пропал, что он с какой-нибудь телкой где-то завис. Любил баб покойник, царство ему небесное, – мельком перекрестился Сергей.

– Думаете, что с этой Медковой где-то мог загулять? – решила уточнить Ника.

– С Катькой вряд ли он мог надолго где-то загулять. Так-то она – мужняя жена, да и в кафе каждый день глаза всем мозолит. Да и, скажем честно, вряд ли Катька с ним куда-то пошла. Она больше пококетничать любит, покрасоваться. Красивая она очень. А чтобы она Медкову с кем-то изменяла, так я такого никогда не слышал.

– Ладно, Сергей Сергеевич, попробуем разобраться в вашей запутанной истории. – Ника встала с прикрученной к полу табуретки, вышла из следственного кабинета и подумала: «Похоже, что Чеботкова действительно придется пока отпускать, в целом про события той ночи он рассказывал довольно складно».

Ника забрала у дежурного контрольно-пропускного пунк-

та свой мобильный телефон и покинула изолятор временно-го содержания. За ней уныло тащились Петя Одноногий и участковый Перегудин.

– Ника Станиславовна, что мне с ним делать? – Полицейский кивнул в сторону Пети.

– Давайте довезем его до свалки, а меня подбросьте, пожалуйста, до Глухарево. Хочу допросить соседку Чеботкова.

– Что же вам перед Новым годом не отдыхается, Ника Станиславовна? – вздохнул Перегудин. – Уже пора домой идти, салаты резать и детей целовать.

– Нет, сначала соседка, а потом уже дети и салаты. – Ника была непреклонна. Во избежание дальнейших пререканий с участковым по поводу необходимости срочного допроса бабки Лизки, как величал эту даму Чеботков, Ника открыла дверь машины Перегудина и грохнулась на переднее пассажирское сиденье. Одноногий Петя бодро запрыгнул на заднее сиденье, затащив за собой самодельный костыль. Последним в служебную полицейскую «Ниву» залез Перегудин.

– Поехали! – скомандовала Ника и махнула рукой.

Голова с похмелья снова начала болеть. Результаты опознания обескураживали, и Ника очень надеялась, что допрос соседки действительно прольет свет на обстоятельства, при которых Шевкопляс покинул дом Чеботкова. Если он действительно ушел оттуда в четыре утра на своих двоих, то подозрений в адрес задержанного становилось гораздо меньше.

Они высадили Петю Одноногого на трассе вблизи неза-

бвенного колодца, в котором были обнаружены останки потерпевшего, и бомж поковылял в сторону городка бездомных. Примерно через полчаса «Нива» уже въезжала в Глухарево. В дом бабы Лизы Перегудин пошел вместе с Никой, сказав: «Схожу с тобой, а то мало ли что там».

Баба Лиза, восьмидесятилетняя старушка, встретила следователя и участкового приветливо. Присев на табурет рядом с кухонным столом и полотенцем стряхнув с него невидимые крошки, пожилая женщина приготовилась отвечать на вопросы Ники. И догадки Чеботкова о всевидящем оке бабы Лизы оказались верными, она действительно страдала бессонницей и видела, как мужчина, друг Сергея, который часто приезжал к нему в гости на грузовике с рефрижератором, в середине декабря рано утром покинул дом соседа, прижимая кулак к разбитому носу.

– Я видела, как он ходил вокруг своего грузовика перед тем, как уехать. Звонил кому-то, телефоном размахивал. Мне это все хорошо было видно, там же у дома фонарь яркий горит, светло как днем, – баба Лиза оказалась очень разговорчивой.

– А охарактеризовать Сергея Чеботкова вы как можете? – спросила у нее Ника.

– Да хороший парень. Добрый, отзывчивый. Не думаю, что он мог кого-то убить. А этого парня, который к нему на грузовике приезжал, он вообще очень любил и ценил. Говорил мне еще, мол, Никифоровна, вот такой у меня друг есть с

Алтая, вот такой мужик! – Елизавета Никифоровна показала большой палец, изображая Чеботкова. – Не он это, точно. Я же его с малых лет знаю, помню, как он еще голозадый в соседней ограде бегал. Семью его знаю. Мать-то у него уехала к старшему сыну жить в Нижние Ямки, а хозяйство на Сережку оставила, – погрузилась в семейную историю соседней баба Лиза. – Сережка тут с женой долго жил, со Светкой, но она ему рога наставила, он ее выгнал, с тех пор баб как-то не жалуется... Вы не подумайте ничего такого, он на мужиков не переключился, – засмеялась она собственной шутке дробным смешком. – Просто после жены ни с кем не сходилась и не жил. А так-то он парень хоть куда, красавец, борода у него такая видная...

– Ладно, понятно. Спасибо, Елизавета Никифоровна, – мягко прервала ее Ника, которой было не особо интересно слушать про бороду Чеботкова.

Она дописала текст протокола и протянула листы допроса бабе Лизе для подписи. В этот момент в соседней комнате раздавался шум, и перед ними в дверном проеме возник светловолосый молодой человек в очках.

– Это жилец мой, Петр Иванович, наш учитель школьный. С женой у меня комнату в доме снимает, – представила вошедшего Елизавета Никифоровна. Она вооружилась очками и внимательно читала текст допроса. Потом одобрительно кивнула и начала ставить подписи в местах, указанных ей Никой.

Петр Иванович вошел в кухню и поприветствовал Нику и Перегудина. Приглядевшись, Ника узнала школьного учителя: именно он был понятым в ходе обыска дома Чеботкова.

– Как продвигается ваше расследование? Сергей правда кого-то убил? – начал сыпать вопросами любопытный учитель.

– Расследование продолжается, разберемся, кто кого убил, – дала предельно краткий ответ Ника. По опыту она знала, что любая случайная информация, ненароком сообщенная деревенскому жителю, сразу же обрстет кучей невероятных подробностей и сомнительных догадок и разлетится повсюду со скоростью света.

– Ничего не расскажете?.. Так жалко, – вздохнул учитель. – Я всегда интересовался работой следователей. Детективы обожаю! – с жаром проговорил он, оживленно поблескивая стеклами очков. – Уходите уже? – спросил он, увидев, что Ника и участковый застегнули куртки и поднялись со своих табуретов. – Я вас провожу!

Попрощавшись с остроглазой старушкой, Ника и Перегудин вышли во двор в сопровождении назойливого очкарика. Во дворе Петр Иванович перешел на доверительный шепот и сказал:

– Вы сильно не берите в расчет откровения бабы Лизы. Она уже немного не в себе. Вряд ли она что-то там видела, выдумывает она многое. Возраст свое берет.

– Мы разберемся, – отрезала Ника, которую очкарик-учи-

тель по непонятной ей самой причине сильно раздражал.

– Следствие разберется, – констатировал Перегудин и кивнул Петру Ивановичу в знак прощания.

Отделавшись от любителя детективов, они вышли на улицу.

– Ника, тебе куда сейчас? – спросил участковый.

– В отдел, – вздохнула Ника. Насыщенный событиями день, пропущенный обед и похмелье сделали свое дело, и Ника была просто без сил.

– Давай я тебя отвезу, не бросать же тебя тут.

– Спасибо большое. Давай! – согласилась Ника.

Она устало опустилась на сиденье автомобиля и задумалась. Сейчас надо как-то исхитриться и найти шефа, чтобы решить с ним вопрос о дальнейшей судьбе и процессуальном статусе Сергея Чеботкова.

– Фигню какую-то порет этот очкастый учитель! – возмущенно сказал Геннадий Перегудин. – У бабы Лизы с головой все в порядке, получше, чем многие, бабка соображает!

– Да, мне тоже показалось, что бабушка абсолютно адекватная. А этот учитель вообще откуда взялся? – спросила Ника, желая поддержать беседу.

– Да прислали этого сопляка из Энска. Второй год тут живет, снимает у бабы Лизы комнату, да еще, как видишь, всякие гадости про нее говорит, – продолжал негодовать участковый. – Так вообще ничего плохого про него сказать не могу, преподает русский язык, литературу. Живет с женой. Мо-

лоденькая такая девчушка, совсем сопля. И малыш у них есть, вроде пацаненок.

– Жену я видела. Они же у нас понятыми были, помнишь?

– Ой, точно, – хлопнул себя по лбу Перегудин. – Вроде хорошо они живут, тихие такие, не бухают, не дебоширят.

– Ну, для участкового это главное. А расскажи мне еще про Медковых, у которых наш Чеботков работает. – Ника решила выжать максимум информации из беседы с Перегудиним.

– А что про них рассказывать? Супружеская пара. Он – хозяин кафе «Горячие беляшки», еще ферма с коровками у него есть в паре километров от Глухарево. Жена у него сейчас в кафе зависает, беляши продает. Катерина Медкова красотка, конечно, – облизнулся участковый. – Гордость нашей деревни. Такая цыпа. Детей у них нет, по какой причине, не знаю, но живут они уже давно. Катерине сейчас лет тридцать примерно, Семену около сорока. Да и рассказывать про них особо нечего, тоже тихо живут, не пьют, не дебоширят.

– Короче, тоже не твои клиенты? – усмехнулась Ника.

– Нет, не мои, – ответил Перегудин. – А что ты будешь делать с Чеботковым? – перевел он разговор.

– Не знаю, – пожала плечами Ника. – Буду думать думать.

– Ты подумай... Я не верю, что он кому-то что-то плохое мог сделать. Я же Серегу с детства знаю. Уверен, что нос разбить по пьяни – это его максимум.

Ника вздохнула. Главной проблемой расследования дере-

венских преступлений является то, что все друг друга знают, очень друг другу верят и не видят зла. Или наоборот, не ладя с соседями, могут на ровном месте начать выставлять их исчадиями ада. И этот обман восприятия характерен не только для свидетелей и потерпевших, но и для оперов и участковых, проживающих по соседству с ними.

Разобраться, где в суждениях деревенских правда, а где ложь – сложная задача. Нужно посмотреть на клубок страстей, семейных драм и человеческих комедий через стекло логики и здравого смысла. И, главное, найти этот здравый смысл в самой себе.

Каким-то чудом Нике удалось застать в отделе шефа и следователя-криминалиста Топоркова и посоветоваться с ними о дальнейшей судьбе Чеботкова.

Выслушав доклад Ники о результатах опознания и допроса бабы Лизы, Топорков задумался:

– Да, тут есть явные противоречия. Говоришь, бабка нормальная? Не в маразме, не пьющая?

– Нет, отличная бабушка, хорошая свидетельница. Очень уверенно и складно дает показания. Да и бомж Петя тоже уверен в том, что у нашего потенциального убийцы не было такой бороды, как у Чеботкова, – ответила Ника.

– Да и хрен с ним, с этим Чеботковым! – Болевший с утра с похмелья шеф к вечеру снова пришел в игривое настроение. – Выпускай его, после праздников разберемся!

– Да, Ник, давай его выпустим, – кивнул Топорков. – Проведем ему после праздников полиграф, может, стрельнет еще.

– Хорошо, – кивнула Ника.

На следующее утро следователь Речиц выпустила подозреваемого Чеботкова из изолятора временного содержания и с чистой совестью разрешила себе не появляться на работе до первого января.

Новогодние праздники пролетели незаметно, в рабочем режиме. Ника успела и подежурить, и сгонять вместе с Сергеем на пару дней на Алтай. Нежась в романтической обстановке в деревянном домике с видом на горы, Ника и Сергей успели придумать имена всем своим будущим детям. Вечно ершистая и немного суровая Ника после этой поездки стала напоминать самой себе сувенирный шар, в котором под стеклом красуется миниатюрный город и вечно идет праздничный искрящийся снежок. В зеркале она видела сияющие глаза, сердце билось горячо и ритмично, казалось, что прекраснее времени в ее жизни еще не было.

В последний день новогодних каникул Речиц и Погорельцев проснулись в двенадцать часов дня, планируя до вечера проваляться под пушистым одеялом.

Но их планы нарушил звонок Коли Ткачука.

– Ника, собирайся, лыжники в лесу нашли машину Шевкопляса. Ее загнали в овраг и сожгли. Это вблизи Глухарево,

координаты я тебе сообщением скину.

– Ничего себе! – Ника поднялась с дивана и пошла собираться.

– Что случилось? – нахмурился Сергей.

– Нашли сожженный автомобиль по последнему убийству. Помнишь, я тебе рассказывала? Алтайский фермер?

– Помню-помню. Значит, повалиться не получится. Тогда, пока ты катаешься, я приготовлю нам свое фирменное мясо в горшочках, – оживился Погорельцев.

– А вечером ты в город уедешь? – спросила Ника, застегивая куртку.

– Да, Никуш, поеду. Мне завтра уже на работу, переночую у себя. Давай уже решать, как мы будем съезжаться. Надо тебя переводить в «важняки», что тебе в районе мариновать?

– Идея хорошая. Но мне надо сначала разобраться с этим Шевкоплясом. Так что будем пока любить друг друга на расстоянии, – засмеялась Ника, на прощание чмокнув Сергея в нос.

Она быстро вышла из подъезда, завела автомобиль и уже через десять минут мчалась по дороге в сторону села Глухареве. Настроение у Ники было прекрасное. Каникулы с Сергеем прошли великолепно, обнаруженный автомобиль даст новые ключи к разгадке смерти Шевкопляса, год начинается просто отлично.

Проследовав по маршруту, указанному ей Колей, Ника

увидела на обочине трассы припаркованную дежурку. Она остановилась, вышла из автомобиля.

Из дежурки высунулся водитель и крикнул ей:

– Ника Станиславовна, идите вон туда! Наши все ушли пешком, машина не проедет. Снега намело по пояс.

Ника помахала ему в ответ и, спустившись с трассы, пошла по еле протоптанной тропке в лес, с каждым шагом утопая в снежной каше. Следственный чемодан моментально начал оттягивать руку, Ника запыхалась и мысленно прокляла свой сидячий образ жизни. К счастью, идти пришлось недалеко. Среди сосен чернели силуэты каких-то людей. Присмотревшись, Ника узнала Колю Ткачука, эксперта Новенького, участкового Перегудина и полковника Турусова. Зимний пейзаж выглядел готично: черный остов фуры в окружении мрачных сосен и окружившие его полицейские, все в черном, издали похожие на стаю ворон.

Ткачук заметил Нику и пошел навстречу.

– Привет, Никуш, – сказал он ей и забрал у нее следственный чемодан. – Лыжники нашли машину, я их опросил, контактные телефоны взял, и они дальше поехали.

– Ладно, потом их допрошу. Что там с машиной?

– Сгоревшая, там внутри остатки каких-то вещей, пойдем покажу. Хитро ее спрятали, загнали в овраг, подожгли, а потом ее снегом замело. Лыжники вон с той стороны проезжали. – Коля ткнул пальцем на противоположный склон оврага. – Одного из них занесло, он съехал в овраг, а там машина

из-под снега виднеется.

– Молодцы лыжники, что позвонили в полицию! Так бы ее до весны никто не заметил, – сказала Ника. – Ладно, пошли посмотрим, что у нас там.

Ника и Коля подошли к тому, что осталось от машины. Эксперт Новенький порадовал Нику тем, что уже все сфотографировал.

– Я тебе и панораму снял, и машину со всех сторон. Лес сегодня такой красивый, я еще и лес снимал, – смущенно добавил он.

– Ну ты и эстет, – засмеялся Коля.

Полковник Турусов сразу к Нике подходить не стал. Как она поняла, он был категорически недоволен тем, что она выпустила Чеботкова и «темняк» остался висеть на его отделе. Полковник выдерживал мхатовскую паузу и делал вид, что разглядывает поваленную сосну. А потом подозвал к себе Ткачука и Перегудина и начал им что-то выговаривать.

Привыкнув за семь лет работы следователем к таким выступлениям милицейского руководства, Ника сразу приступила к осмотру сгоревшего рефрижератора. В кабине, представляющей собой грудку расплавленной пластмассы и металла, не было ничего интересного, зато в отсеке для перевозки грузов залезших туда Нику и эксперта Новенького ждал приятный сюрприз: остатки кожаной барсетки.

– Это же нашего потерпевшего! – воодушевилась Ника. – Давай ее в конверт упакуем, вдруг геном сохранился.

– Все может быть. Кабина больше прогорела, чем кузов, – согласился с ней Новенький.

Когда Ника вместе с экспертом покинули кузов, к ним соизволил подойти и обратиться полковник Турусов.

– Ну что, Ника Станиславовна, ты все еще уверена, что Чеботков не виновен? Грузовичок-то недалеко от Глухареву уехал, – снисходительно начал он, нависая над невысокой Речиц своим почти двухметровым ростом.

– Евгений Викторович, – перебила его Ника, – а у меня есть к вам вопрос на засыпку.

– Какой еще вопрос? – в недоумении поднял бровь Турусов.

– А такой. Сколько раз подчиненные вам сотрудники общались с нашим фигурантом Чеботковым за время новогодних праздников?

– Не знаю, – развел руками полковник.

– Зато я знаю. Ноль. Если вы так уверены в том, что Чеботков – убийца, что вы сделали для того, чтобы это доказать? – продолжила свой наезд Ника.

Не став дожидаться ответа, она развернулась и пошла обратно к трассе. Мужчины поплелись вслед за ней. По дороге Нику догнал Коля Ткачук.

– Ничего себе ты его отделала, – сказал он ей шепотом.

– А знаешь, надоело. Постоянно у вашего руководства виноваты во всем исключительно я и мои коллеги. Своих грехов они в упор не видят. – Нику настолько разозлил тон Ту-

русова, что она даже не потрудилась понизить голос. – Если нет у вас сомнений, что Чеботков убил Шевкопляса, так работайте по нему.

– Мы поработаем, поработаем, Ника Станиславовна. Вы в нас не сомневайтесь, – раздался сзади бархатный баритон Турусова.

– Вот и работайте.

Ника дошла до своей машины и бросила на заднее сиденье конверт с вещественным доказательством и следственный чемодан. А затем, круто развернувшись, уехала с места происшествия.

Часть 2. Охотники и добыча

Укутанная в объемный, теплый пуховик она стояла на обочине трассы, старательно отворачиваясь от ветра. Зимой в этих краях рано темнеет, и женщина щурила глаза, стараясь не пропустить приближение нужного ей автомобиля. А вот наконец-то и он, показался из-за поворота небольшой грузовичок-рефрижератор. Она пошла ему навстречу, размахивая руками и всячески стараясь привлечь к себе внимание.

Ура, сработало! Грузовичок остановился, из кабины выглянул встревоженный толстяк-водитель.

Она жалобно посмотрела на него и, прижимая руки к груди, попросила:

– Помогите, пожалуйста. У меня машина в лесу застряла с двумя маленькими детьми... Не могу выехать.

– Ой, да это же вы, – присмотревшись, узнал ее водитель.

– Да это я... – тут же согласилась женщина. – Помогите, пожалуйста.

– Садись, – кивнул ей водитель.

Женщина залезла в кабину и махнула рукой в сторону леса.

– Вон он, этот свертокк К бабушке поехали в гости и застряли. Снега в этом году – по уши просто, – нервно засмеялась она.

– Что же тебя, такую красавицу-умницу, муж по темноте один отпускает? – поддержал беседу водитель, сворачивая в лес.

– Ох, этот муж – объелся груш, – печально вздохнула женщина. – Толку от него никакого, одни страдания.

– Была бы у меня такая жена, я бы ее на руках носил! – косясь на свою попутчицу, начал флиртовать толстяк.

Та залилась кокетливым смехом. Но руки ее дрожали, и одна из варежек соскользнула с изящной кисти и упала на пол кабины. Женщина быстро подняла ее.

– Замерзла, красавица? – поинтересовался водитель. – Прямо вся дрожишь... Согреть тебя? – спросил он.

– Вот, приехали. – Женщина показала рукой на «Ниву», показавшуюся в свете фар на зимней дороге.

– Выводи своих мальцов, сейчас привяжем машину к моему грузовику, попробуем вытянуть.

Женщина выскользнула из кабины, водитель вышел вслед за ней, вооружившись буксировочным тросом.

– Сейчас-сейчас, красавица, поможем тебе, – ласково обратился он к своей спутнице, привязывая к «Ниве» трос.

В этот момент и прогремел в тишине зимнего леса выстрел. И добродушный толстяк даже не успел понять, как из охотника превратился в дичь.

– Ну что, Ника Станиславовна? Доигралась в добренькую? Там твой Чеботков нового фермера покрошил! Соби-

райся, Турусов уже едет за тобой! – Ворвавшийся в кабинет ББ был, как обычно, крайне экспрессивен.

– В смысле? – Ника подняла голову, оторвавшись от изучения заключения эксперта. До нее не сразу дошел смысл слов Бориса Борисовича. Макс Преображенский тоже во все глаза уставился на шефа.

– Хрен на коромысле! В лесу нашли грузовик с трупом. Тоже алтайский фермер. Застрелен. Вот если это и правда окажется делом рук твоего друга Чеботкова, будешь знать, как старших не слушаться.

Ника нервно дернула головой, чувствуя, как предательски задрожали руки. Ошибаться всегда неприятно, но самое страшное в работе следователя – это допустить фатальную ошибку, погубившую чью-то жизнь. Действуя на автомате, она начала собираться.

– Ника Станиславовна, вы на выезд едете? – заглянул в кабинет жизнерадостный Кеша. – Можно мне с вами?

– А? Что? – Ника никак не могла сосредоточиться, судорожно пытаюсь понять, допустила ли она ошибку, отпустив Чеботкова, или нет.

– Кеша, подожди у себя в архиве, если что, мы тебя позовем на выезд, – пришел Нике на помощь Макс. Он видел, как сильно она расстроилась.

Кеша, огорченно шмыгнув носом, вышел из кабинета.

– Макс, ты можешь тоже выйти на минутку? Мне надо переодеться, – попросила Ника своего друга.

– Я выйду сейчас. Ты сама-то как? Давай я с тобой поеду? – спросил Макс.

– Да, давай. Вдвоем быстрее управимся. Спасибо, Макс, – кивнула ему Ника. – И Кешу давай с собой возьмем, ему полезно будет. Огнестрел, криминал, «темняк». Будет о чем написать в отчете о практике.

Дежурка приехала через двадцать минут. За это время следователь Речиц собралась и пришла в себя. К сожалению, а может быть и к счастью, у следователя практически не остается времени на то, чтобы рефлексировать и посыпать голову пеплом. Надо собрать волю в кулак и двигаться дальше.

Ника встала перед зеркалом, тщательно застегнула свою теплую, но уже очень потрепанную куртку для выездов, натянула на голову шапку, спрятав под нее рыженький конский хвостик, и пробормотала под нос свою личную мантру, помогавшую ей с первого дня работы в Следственном комитете:

– Я следователь, а не тряпка.

Выйдя из отдела в сопровождении Макса с дежурной папкой и Кешы, несшего за ними Никин следственный чемодан, следователь Речиц поняла, что сейчас меньше всего желает общаться с Турусовым, готовым сесть на своего любимого конька – почему она не стала обращаться в суд с ходатайством об аресте Чеботкова?

Сообразив, что слушать это все будет невыносимо, Ника крикнула водителю дежурки:

– Поезжайте вперед, мы за вами на моей поезде!

После чего следователи вместе с Кешей загрузились в машину Ники и двинулись по трассе Бродск – Глухарево.

По дороге рефлексия Ники из-за допущенной ею ошибки усилилась. У каждого следователя, как и у каждого врача, есть свое кладбище. Кладбище загубленных уголовных дел. У некоторых оно совсем маленькое, у кого-то очень большое. Особенно часто Нику мучила совесть, когда она вспоминала уголовные дела, расследованные ею во время первого года службы, когда нехватка опыта, и следственного, и жизненного, мешала разобраться даже в довольно примитивных ситуациях. Лица и имена потерпевших, которым она тогда не смогла в полной мере помочь, до сих пор иногда всплывали у нее перед глазами.

Но Ника понимала, что если увлечься самокопанием, то можно зарыть себя с головой. Знать, помнить, критиковать себя за ошибки – это путь к профессиональному росту, а ныть, жаловаться и страдать – путь к профессиональной смерти. Поэтому она решила, что разрешит себе предаться анализу своей возможной ошибки с Чеботковым потом, когда убийца будет пойман и изобличен, и не минутой раньше.

Недалеко от места, где Ника еще позавчера осматривала сожженный грузовик, дежурка остановилась. Ника последовала ее примеру, припарковалась у дороги, про себя обрадовавшись тому, что взяла с собой Кешу, и именно молодой и бодрый практикант потащит тяжелый чемодан по рыхлому

снегу.

По пути к месту происшествия Ника в полной мере наслаждалась разглагольствованиями полковника Турусова на тему того, что не надо было отпускать Чеботкова.

– Вот говорили тебе умные люди, что это он, надо было его дожимать, – журил Нику Турусов.

– Что же ваши сотрудники его не дожимали? Времени у них было вагон. Вон все новогодние праздники могли дожимать, если у вас такая уверенность, что это он – убийца, – парировала Ника. Она уже пришла в себя и приготовилась держать удар. – Ну-ка, какие оперативно-розыскные мероприятия ваши подчиненные провели по моему поручению? Какие доказательства причастности Чеботкова добыли? – продолжила она.

– Ника, ну ты чего опять завелась-то? – решил перевести все в шутку Турусов. Крыть ему особо было нечем.

– А дорога, по которой мы сейчас идем, – это же сверток к Гусиному Броду? – прервала молчание Ника.

– Да, к нему самому, – ответил полковник Турусов.

Ника, Макс и Кеша пошли вслед за Турусовым вглубь леса. Там перед ними предстал грузовик-рефрижератор, стоящий прямо посреди дороги, двери рефрижератора были открыты. Внутри кузова лицом вниз лежал труп мужчины. Его спина была буквально в клочья разворочена выстрелом. Вокруг машины слонялись опера, эксперт-криминалист, следователь-криминалист Топорков, и человек десять праздных

зевак из числа местных жителей.

– Следы уже затоптали намертво, – нахмурилась и без того мрачная Ника.

– Мужики сегодня утром ехали из Гусиного Брода, нашли, – кивнул Турусов в сторону двух бородатых местных жителей, дававших в стороне объяснениям операм.

И тут к ней подошел Топорков.

– Зря, похоже, ты этого Чеботкова отпустила. За ним поехали уже. За старое взялся, зуб у него на этих фермеров, что ли?

– Почерк тут другой. Того порезали, этого застрелили. Ружья я что-то у Чеботкова не припомню.

– Спрятал, наверное. Обыск надо у него снова делать! – настаивал Топорков.

– По поводу обыска согласна. Со мной Макс, я его сейчас к Чеботкову попрошу съездить, пока я тут осмотр делаю. А судебный медик еще не здесь?

– Рябоконь со мной приехала. У меня в машине сидит, сейчас ее позову. – Топорков двинулся в сторону Гусиного Брода, и Ника поняла, что большая часть следственно-оперативной группы подъехала к лесу со стороны этой деревни, то есть та дорога была популярнее той, на которой сейчас стоял рефрижератор.

Макс уехал делать обыск по «неотложке» у Чеботкова, а Ника вместе с Ольгой Даниловной и экспертом-генетиком приступила к осмотру грузовичка. Осмотр трупа в ме-

сте обнаружения особых результатов не принес. Кроме огнестрельной раны на спине, других повреждений на теле убитого не было. Стреляли в него, судя по внешнему виду раны, скорее всего из дробовика. Кровавый след вел от вытоптанного участка рядом с кабиной фуры к рефрижератору, застрелили потерпевшего именно там. Эксперт-генетик скрупулезно обработал кабину и дверцы рефрижератора, собрав на отрезки липкой ленты микрочастицы. Возможно, следствию повезет, и убийца оставил на месте преступления свои следы. В бардачке кабины были также обнаружены документы на имя Евгения Кротова – вот и еще один фермер с Алтая.

– Мы связались с его женой, та же ситуация, что и с Шевкоплясом. Повез в Энск товар, продал его, обратно ехал с крупной суммой. Денег нигде нет, – подошел Коля Ткачук к Нике.

Она уже заканчивала писать протокол осмотра, краем глаза поглядывая, как эксперты упаковывают изъятые предметы. В этот момент у Ники зазвонил телефон.

– Да, Макс, – ответила она. – Что нашли? – не поверила она сразу тому, что сказал ей Преображенский. – Пусть опера везут его в отдел, будем задерживать, – выдохнула шокированная Ника.

При обыске в доме Чеботкова нашли обрез охотничьего карабина «Сайга» со следами производства недавнего выстрела. Она ошиблась. Этот Чеботков оказался не так-то прост.

Работы сегодня предстояло много, поэтому Ника не отказалась от предложения Макса Преображенского на обратном пути отобедать в знаменитом в среде дальнбойщиков и голодных сотрудников правоохранительных органов заведении «Горячие беляшники». Кеша от поедания фастфуда категорически отказался и остался в машине караулить вещдоки.

Для придорожного кафе «Горячие беляшники» выглядели более чем достойно. Старомодный интерьер в стиле девяностых годов, на стенах сомнительного вида картины с изображением львов и полуобнаженных девушек. В меню беляши, пельмени и вареники. Все добротное, провинциально и без каких-либо намеков на модный нынче хай-тек.

В заведении было многолюдно. Ника и Макс протиснулись между дальнбойщиками, которые лакомились местными яствами, не снимая верхнюю одежду, и решили разделиться. На Нику по причине почти полного аншлага была возложена миссия занять столик. А Макс пошел к витрине с беляшами, чтобы сделать заказ.

Ника заметила стол в углу, быстро за него села и на всякий случай обозначила свое присутствие, положив на стол шапку.

Она оглянулась на прилавок-витрину, Макс вовсю кокетничал с двумя продавщицами в изумрудно-зеленых форменных халатиках. Судя по довольному хихиканью Преображенского и девушек, разносившемуся по всему кафе, шуточ-

ки Макса наконец-то нашли свою целевую аудиторию.

«Господи, это, похоже, надолго», – подумала Ника. Но голод в Максе возобладал над желанием проявить себя галантным кавалером, и буквально через пару минут перед Никой и ее визави уже дымились тарелки с пельменями и беляшами.

– Ох, как вкусно, – пробурчал Преображенский с набитым ртом. – Ты чего не ешь? Все расстраиваешься?

– Ну да, как-то не могу в себя прийти. Я правда была уверена, что Чеботков ни при чем. Старею, теряю хватку. – Ника задумчиво взялась за вилку и закинула в рот один пельмень. – О, правда, очень вкусно! – прокомментировала она.

– Да не расстраивайся так. Со всеми бывает. Сначала я обосрался с этими ножевými на первом трупе, потом ты с этим Чеботковым. Несчастливое какое-то дело.

– Ну да, у него и номер на 113 заканчивается, – грустно усмехнулась Ника.

– Кстати, Ника Станиславовна, я сейчас встретил девушку своей мечты. – Макс явно был воодушевлен.

– Продавщицу беляшей?

– Нет, еще лучше. Владычицу беляшей. Видишь вон ту, что повыше в зеленом халате? – Макс нагнулся поближе к столу и восторженно зашептал: – Она хозяйка этого кафе и сногсшибательно красивая девушка. Я решил пригласить ее на свидание.

– Я ее, честно говоря, вижу в полумраке, и поэтому в во-

просах ее красоты поверю тебе на слово. Но я слышала от местных ментов, что хозяин этого заведения – не какая-то баба, а местный коммерсант по фамилии Медков. Так что думаю, что твоя любовь с первого взгляда, скорее всего, его жена. – Ника решила вернуть Макса с небес на землю.

– Да ты что? – Макс выглядел действительно расстроенным. – А кольца, вроде, не было у нее на руке. Но попытка – не пытка! Как говорится, муж – не стенка, подвинется, когда в бой вступает следователь Следственного комитета! – При этих словах Преображенский приосанился, поправил очки, натянул джемпер на округлое пузико и бросился на бордаж.

Ника решила, что это зрелище стоит того, чтобы снова повернуться лицом к витрине. Сейчас она уже внимательнее пригляделась к высокой продавщице, и не могла не согласиться с Максом, что та была весьма хороша. Высокая, белокожая, с огромными русалочьими глазами. Из-под форменной шапочки выбивалась прядь рыжих волос, и Ника сразу заподозрила, что волосы зазнобы Преображенского имеют такой красивый оттенок от природы, а не в результате ухищрений парикмахера. Но, к сожалению, в ее товарище красавица из «Горячих беляшиков» оказалась не заинтересована. Ника увидела, что на какую-то реплику Макса продавщица показала на свою правую руку, скорее всего, сказав ему, что она замужем.

Преображенский вернулся на место и печально стал дожидаться свои пельмени.

– Она сказала, что замужем и что у нее есть любимый человек, – сообщил он Нике.

– Не удивлюсь, что у такой красотки муж и любимый человек могут оказаться разными людьми, – хохотнула Ника.

– Мне нет места на этом празднике жизни... – резюмировал Макс. – Можно я съем твой беляш? Так сказать, заем свою неудачу.

– Ешь... Я стройнее буду.

Немного подкрепившись, следователи вернулись в машину Ники.

– Кеша, ты точно есть не будешь? – еще раз уточнила Ника у своего юного помощника.

– Нет, Ника Станиславовна! Я такое не ем. Я придерживаюсь принципов правильного питания, – уточнил Иннокентий.

– Ох, Кеша, я когда-то тоже такое не ела, – вздохнула Ника. – Если пойдешь работать следователем, то забудешь про нормальную еду, полноценный сон и здоровые отношения...

– У тебя-то что они нездоровые? – покосился на нее Макс. – У вас же конфетно-букетный период должен быть в разгаре!

– Конфетно-букетный период на расстоянии в короткие перерывы между работой – то еще удовольствие, – задумчиво протянула Ника.

После второго задержания Чеботкова уже по подозрению

в убийстве второго фермера в деле мало что изменилось. Он категорически отрицал свою причастность к обоим убийствам, говорил, что никогда не был знаком и никогда не встречался со вторым фермером – Евгением Кротовым. По поводу обнаруженного у него дома охотничьего ружья Чеботков заявил, что ружье ему подкинули.

В это любимое всеми жуликами объяснение Ника не поверила. Суд тоже не поверил в версию защиты и арестовал Чеботкова на два месяца.

Ника очень надеялась на результаты экспертиз, к концу января некоторые из них уже были готовы, и следователь Рециц поехала в бюро судебной медицинской экспертизы за заключениями.

Вопреки заблуждению, растиражированному фильмами и сериалами на криминальные темы, экспертизы делаются не за час и даже не за день, а в течение нескольких недель и даже месяцев, да еще и в порядке очередности. Нике очень повезло, что интересующие ее медико-криминалистические экспертизы по одежде Чеботкова и Шевкопляса, а также кожному лоскуту с трупа первого потерпевшего, находились в производстве ее любимого отделения бюро.

Ника обожала назначать медико-криминалистические экспертизы, находя их чрезвычайно познавательными исследованиями, способными на многое пролить свет в обстоятельствах совершенного преступления. Так, сотрудники медико-криминалистического отделения могли по следам на

черепе установить примерное орудие, точное количество и направление нанесения ударов. По следам крови на одежде убийцы и жертвы они могли указать взаимное расположение этих лиц в момент нападения.

Устроившись поудобнее в кабинете экспертов, Ника читала заключения по одежде Чеботкова и одежде и кожному лоскуту с трупа Шевкопляса. Догадки эксперта Рябоконь по поводу кухонного ножа были абсолютно верными, по описаниям медико-криминалистов действительно получалось примерно такое орудие. Но ни один из ножей, изъятых в доме Чеботкова, согласно выводам экспертов, не мог причинить повреждения, аналогичные обнаруженным на трупе.

Еще более интересным оказалось заключение эксперта по одежде Чеботкова. На его клетчатой рубашке действительно оказались следы крови Шевкопляса в виде брызг, но эти брызги носили единичный характер.

– Как вы думаете, могли эти следы образоваться при нанесении ножевых ранений Шевкоплясу? – Ника оторвалась от чтения и решила немного помучить вопросами эксперта Вознесенскую и заведующего медико-криминалистическим отделением Федотова.

– Ну, это вы как следователь сами должны разобраться, – улыбнулся в усы Федотов. – Но, думаю, вряд ли. Вы почитайте заключение по одежде трупа, там у вас возникнет много поводов для размышлений.

Ника открыла заключение по одежде Шевкопляса, вчита-

лась в него и от неожиданности присвистнула.

– Я так понимаю, нашего потерпевшего зарезали, когда он лежал на животе?

– Да, правильно понимаете. По следам на его одежде такая картина и вырисовывается, много потеков от спины к животу, – вступила в беседу эксперт Вознесенская.

– И, исходя из этого, сложно представить положение нападавшего, когда кровь в виде крохотных брызг долетит именно до верхней трети передней поверхности рубашки. Но это повод вам, следователям, подумать, как такое может быть, – резюмировал Федотов.

– А при таких ранениях много крови сразу брызгает из раны? – задала Ника давно интересовавший ее вопрос.

– Как правило, много. Не фонтаном, конечно, льется, но кровить ваш потерпевший от сорока ножевых должен был довольно сильно. А вот насколько сильно он испачкал своего убийцу – вопрос неоднозначный, все зависит от того, в каком положении был нападавший в момент нанесения ударов: сидел он, стоял... Хотя вообще следы крови на одежде вашего Чеботкова больше вписываются в его версию, что он дал своему другу в нос, и конфликт между ними на этом закончился.

– Спасибо вам большое, – оживилась Ника, пряча заключения в папку и собирая пакеты с вещественными доказательствами. – Ваши экспертизы, как и всегда, очень мне помогут.

По дороге в отдел Ника еще забрала у экспертов-«геномщиков» заключение по изъятой ею на месте происшествия барсетке. Эксперты поколдовали над ней на совесть и обнаружили следы женской ДНК. Кроме того, этот геном стрелнул еще и в кабине рефрижератора по второму убийству. Это вряд ли могло быть просто совпадением.

Что же, теперь предстоит искать женщину.

Cherchez la femme.

Вернувшись в отдел, Ника позвонила Ткачуку и озадачила его вопросом:

– Где мы можем попробовать допросить максимально возможное количество фермеров, привозящих товары с Алтая в Энскую область?

– Ну, у тебя и идеи, – протянул Коля. – Можно попробовать поработать с теми, кто ночует в «Тракхаусе».

– А «Тракхаус» – это что такое? – удивилась Ника.

– А это придорожная гостиница в Глухарево, там приезжие часто остаются на ночь, чтобы утром пораньше без пробок выдвинуться в сторону Алтая.

– О, круто, давай ты сегодня туда съездишь, надо опросить фермеров, которые гоняют по маршруту наших потерпевших, вопрос по сути один: не замечали ли они в дороге чего-то подозрительного, в частности, каких-нибудь подозрительных женщин.

– Женщин? А при чем тут женщины? – удивился Коля.

– А при том, что на барсетке из грузовика первого трупа есть следы женской ДНК.

– Может, это его жена наследила? – предположил Ткачук.

– Тогда она еще и в кабине второго фермера наследила. Это явно наша фигурантка, Коля, надо ее искать. А бывшая жена нашего Чеботкова не знаешь где? – спросила Ника.

– Да где ей быть, в Глухарево она, посудомойка в «Горячих беляшиках». Он ее как за измену с заезжим молодцем выгнал, так она недалеко ушла, – засмеялся Коля.

– Надо будет с ней побеседовать. Так, давай сегодня ты сконцентрируешься на фермерах, а завтра поедем в Глухарево, будем допрашивать женщин и получать образцы их ДНК.

– Это сколько же нам надо женщин допросить? – задумчиво сказал Коля. – Ника, ты уверена, что это точно надо делать?

– Пока идей получше у меня нет. Сегодня получила все экспертизы по первому трупу, что-то там по Чеботкову доказательств не прибавилось.

– Ника, опять ты завела свою пластинку, что Чеботков не виноват. Очнись, там по второму трупу все отлично бьется!

– Так, давай все отработаем как следует, а потом уже будем решать, что с чем бьется и что доказывает.

– Хорошо, я тебя услышал. По результатам я тебе позволю, – закончил разговор Коля.

Ника положила телефон на стол и подняла глаза на сидевшего напротив Преображенского.

– Ника, а ты правда думаешь, что Чеботков не виновен? – спросил Макс, прислушивавшийся к ее разговору с начальником уголовного розыска.

– Не знаю, – пожала плечами Ника. – Но пока в этом деле столько нестыковок, моя совесть не позволяет положить его в сейф и ждать, когда сделают экспертизы по второму трупу. Есть у меня ощущение, что надо по нему еще работать. Что-то тут не так.

Вечером Ника, Коля и Макс Преображенский сидели у стойки администратора гостинцы «Тракхаус» и ждали аудиенции с хозяйкой гостиницы. Приехав в «Тракхаус», Ника вспомнила, что уже выезжала сюда по факту покушения на изнасилование и даже осматривала один из номеров. Номера в «Тракхаусе» были крайне бюджетными, с фанерными стенами и одинокой убогой кроватью. Иная мебель в номере отсутствовала, и скудная обстановка помогла следователю Речиц очень быстро закончить осмотр.

Как поняла Ника из заявления потерпевшей, «Тракхаус» можно было смело переименовывать в «Траххаус». Дальнобойщики привозили туда девочек и начиналось безудержное веселье, которое порой заканчивалось прибытием сотрудников полиции и Следственного комитета.

Хозяйка «Тракхауса», крашеная блондинка Анжелика Хачатурян, выплыла навстречу правоохранителям откуда-то из глубин своего фанерного рая. Она вела себя спокойно,

доброжелательно, лучезарно улыбалась, и от этого в душе у Ники зародилась четкая уверенность, что Анжелику и ее бизнес крышует кто-то из местных ментов. Анжелику предупредили и об их приходе, и о том, что они пришли не по ее душу.

В «Тракхаусе» в тот вечер находилось двенадцать дальнобойщиков, были среди них и те, кто возил фермерскую продукцию с Алтая. Десять пустых, бесполезных протоколов допроса по очереди легли в папки-планшеты Ники и Макса, и им уже казалось, что идея с допросами постояльцев «Тракхауса» была не самой блестящей, но тут один из дальнобойщиков вспомнил, что несколько зимних месяцев замечал на дороге вблизи Глухарева голосующую женщину.

– Так это проститутка, наверное, стояла? – уточнил Коля.

– Да нет, она была одета как обычная баба, очень тепло и совсем не вызывающе. Пуховик у нее был такой длинный, темный, почти до земли. И волосы длинные из-под капюшона выбивались.

– Как это вы все успели разглядеть на ходу? – удивилась Ника.

– Да я ее не совсем на ходу разглядывал, – засмеялся дальнобойщик. – Я ее как первый раз увидел, решил остановиться. Мне показалось, что что-то случилось, вид у нее был испуганный, она так отчаянно мне руками махала. Я остановился, спросил у нее, что случилось. Она залепетала, что машина в лесу застряла, не может ее вытащить. Но ответил, что

я ей не помощник, что у меня машина тяжелая, большая, в лесу точно застрянет, что ей нужно какой-то поменьше автомобиль тормозить. Предложил ее довести до ближайшей деревни, она наотрез отказалась. А потом через две недели еду, а она снова голосует на том же месте. Тут я и подумал, что что-то здесь нечисто.

Ника и Коля переглянулись, поведение женщины на трассе правда показалось им подозрительным.

– А кроме пуховика и волос вы что-нибудь еще из ее внешности запомнили?

– Нет, ничего. Темно было. Но во второй раз я точно видел именно ее. У нее внешность такая, породистая. Вроде ничего особенного, обычная баба, а в глаза бросается. На вид она вроде молодая, не старше тридцати пяти.

Как Ника ни билась со свидетелем, но расшифровки, что именно он подразумевает под словами «видная» и «породистая», она не получила.

– Может, Чеботков бывшую жену заставлял этих фермеров приманивать? – высказал предположение Коля.

– Надо будет ее отработать. Завтра поеду в Глухарево, возьму Перегудина, сделаем подомовой обход и возьмем образцы ДНК у молодых женщин, подходящих под описание.

– Так это очень много народу получится, Ника.

– Начну с ближнего круга Чеботкова. Бывшая жена, соседи. Похоже, что фермеров в лесополосу действительно заманивала голосующая женщина.

Утром Ника в компании участкового Перегудина начала объезд Глухарево, предварительно расспросив его про видных молодых и красивых местных жительниц. Почесав в затылке, Геннадий вспомнил двадцать местных красоток, в числе которых была волоокая Анжелика из «Тракхауса», Катерина Медкова и Светка Чеботкова из «Горячих беляшиков», пара школьных учительниц, фельдшерица из местного ФАП, да еще с десятков поселянок.

В принципе задача была выполнимой, изъять образцы слюны за сутки у двадцати женщин – реально, если все они находятся в одном месте и не бегают от следователя.

Особо интересовала следователя Речиц Светлана Чеботкова, которую все местные жители упорно называли Светкой. Маленькая собачка до старости щенков, вот и бывшая жена Чеботкова в свои тридцать с хвостиком выглядела какой-то неприкаянной и очень молодой, хотя опухшая физиономия и выдавала в ней пристрастие к употреблению спиртных напитков. Взгляд у Светки был одновременно виноватый и нахальный, как у кошки, напроказничавшей в доме в отсутствие хозяев. Не мигая, она уставилась на Нику своими серо-зелеными, чуть навывкате глазами и удивленно спросила:

– Вы что, правда думаете, что мы с Серегой могли кого-то убить?

– Нам надо проверить все версии, – сурово ответила Ника.

Светка снова виновато улыбнулась:

– Да он меня с прошлой весны на порог не пускает и со мной не разговаривает. Приревновал меня к посетителю и выгнал. С тех пор мы вообще не общаемся. Да я все сдам, все ваши образцы, вы не волнуйтесь. Только знаете, я уверена, что это не Серега, не такой он человек, не мог такое сотворить.

После монолога в защиту Чеботкова Светлана безропотно дала поковыряться в своем рту специальной ватной палочкой, которая после этого отправилась в бумажный конверт. Ника запечатала его и дала Чеботковой расписаться на бирке.

– А где ваша хозяйка? – поинтересовалась Ника, оглядев помещение «Горячих беляшиков».

– А ее второй день нет на работе, заболела она.

– Надо будет навестить ее дома. Ты знаешь, где она живет? – спросила Ника у участкового.

– Да знаю, конечно. Тут недалеко, поехали.

Дом Медковых выделялся на фоне остальных деревенских домов, как разбогатевший и переехавший в город родственник выделяется из толпы гостей на сельской свадьбе. Построенный из красного кирпича, с щегольским флюгером-петушком, он мало напоминал деревенское жилище и тянул на добротный коттедж из гламурного пригородного поселка. Все это великолепие окружало кованое фигурное ограждение с живой хвойной изгородью.

– Богато живут, – констатировала Ника, глядя на всю эту красоту.

Всезнающий деревенский участковый лишь усмехнулся ей в ответ.

– Да, конечно, небедно они живут. Но мне тут птичка на хвосте принесла, что у Медкова с бизнесом проблемы, и вся эта красота в кредит, который пока непонятно, чем отдавать.

– Как можно разориться, торгуя беляшами на трассе? – удивилась Ника. – Это же, считай, идеальный бизнес-план.

– Да запросто. Сам-то Медков – рачительный хозяин, это Катька воду мутит. Ей беляшами непрестижно торговать, подбила его завести эко-ферму, а с ней какие-то проблемы начались. То ли им больных коров подсунули, то ли они сами их до кровавого поноса довели. Попали на деньги с лечением. Только коровы оклемались, там новая напасть – с кормами какая-то засада. Семен из-за этой фермы весь осунулся. А Катьке все нейдет. На «Ниве» ей кататься непрестижно, в старом доме жить не нравится. А он ее балует, что твою куклу: то дом ей отгрохает, то вместо старой «Нивы» иномарку купит.

– Капризная, говоришь, барышня?

– Ой, еще какая. Вертит им, как хочет. Но имеет право, такая краля, сейчас сама увидишь, – мечтательно пробормотал Геннадий, рисуя руками в воздухе силуэт красотки Катерины.

– Да я ее видела, – усмехнулась Ника.

Ника и Перегудин позвонили в калитку. В ответ на мелодичную трель из дома вышел высокий светловолосый мужчина в камуфляжном костюме.

– Это хозяин, Семен Медков, – шепнул Нике участковый.

Медков подошел к калитке, открыл ее. Узнав участкового, он пожал ему руку и поинтересовался:

– Чем обязан?

– Это следователь Следственного комитета, она занимается расследованием убийств фермеров в лесополосе, – представил Нику Перегудин.

Ника показала Медкову служебное удостоверение и пояснила:

– Мне надо допросить вашу жену в качестве свидетеля.

– А что она могла видеть? – нахмурился Медков.

– А вот это я у нее и хочу спросить. Разрешите пройти, или жена сама к нам выйдет?

– Болеет жена, – шмыгнул носом Медков. – Третьего дня упала в погреб, сильно расшиблась. Она ничего не помнит.

Ника удивленно приподняла бровь.

– Увидеть-то вашу жену можно? Или вы ее тщательно скрываете за семью замками?

– Да, увидеть можно, – вздохнул Медков. – Только она что-то плоха совсем.

– А почему она дома, а не в больнице? – спросила Ника.

– Да не хочет она в больницу, упертая. Дома, говорит, и стены лечат. Да вы не думайте, что она тут лежит без меди-

цинской помощи, доктор каждый день приезжает, ее смотрит.

Ника, Перегудин и Медков зашли в дом, где хозяин проводил их в небольшую, уютную гостиную с камином. На диване полулежала женщина с перемотанной бинтами головой. Она читала книгу, но, услышав шум, отложила ее в сторону и приподнялась навстречу гостям.

– Жена моя, Катерина, – кивнул на нее Семен. – Катерина, а это следователь Следственного комитета, участкового Геннадия ты и так знаешь.

– Конечно знаю. Добрый день, Геннадий, – улыбнулась Катерина. – А вы...

– Меня зовут Ника Станиславовна Речиц. Я занимаюсь расследованием убийств фермеров в лесополосе.

Катерина в недоумении покосилась на своего мужа.

– Ничего она не помнит после падения, – грустно сказал он. – У нас вся деревня после обнаружения второго трупа два дня уже на ушах стоит, а Катерине нашей все хоть бы хны.

– Я правда ничего не помню, – жалобно сказала она. – Помню, что очнулась, что в погребке лежу, что Семен меня поднимает. Потом помню, как волосы стригли и раны на голове зашивали. А больше ничего не помню. Я даже не помню, что я в кафе работала.

– Доктор говорит, что у Катюши амнезия. Сейчас немного себя придет, будем память восстанавливать.

Вся ситуация вызвала у Ники чувство недоумения. Она

мельком видела Катерину Медкову в «Горячих беляшках». Внешний вид женщины явно говорил о том, что той действительно нехорошо, уж слишком сильно изменила ее травма. Черты лица заострились, Катерина была очень бледной, с большими синяками под глазами. Она была мало похожа на ту холеную красотку, которую Ника и Макс видели всего два дня назад в «Горячих беляшках».

– Давайте тогда у вас изыдем образцы слюны, а допрос оставим до момента, когда вам станет лучше, – предложила Ника.

– А образцы изымать зачем? – снова нахмурился Медков.

– Это необходимо следствию, – расплывчато ответила следователь Речиц.

– Надо это, Семен Иванович, – кивнул Перегудин. – Было бы не нужно, мы бы не пришли.

Недовольный Медков выдержал паузу, а потом тряхнул головой и сказал:

– Ладно, Катя, сдавай ты эти образцы, нам бояться нечего.

Через пару минут Ника и Перегудин уже садились в «Ни-ву» участкового, вооружившись очередным конвертом с образцом слюны.

– Еще к кому-нибудь поедем? – спросил Геннадий у Ники.

– Да думаю, что нет. Двадцать образцов слюны прекрасных селянок мы набрали, пусть лаборатория их обработает.

– Ничего себе, как Катерина расшиблась, – удивился Геннадий, отъезжая от дома Медковых. – Бледная как смерть.

– Ага, но с черепно-мозговой травмой вряд ли будешь хорошо выглядеть, – ответила Ника. Она уже представляла, как озадачит ДНК-лабораторию исследованием двадцати образцов женской слюны и что ей скажут эксперты в ответ на поручение им этого исследования.

Эксперты действительно не были рады объему работы, не забыли «ткнуть» Нике на то обстоятельство, что она напрягает их исследованиями по уже раскрытому преступлению, в то время как у них в работе куча нераскрытых «темняков».

Выслушав много интересного про себя и других следователей, Ника отправилась в отдел. Уже паркуясь у здания, Ника получила отчаянное СМС от Макса: *«Ника, поторопись. Тут такое! Нужна твоя помощь»*.

Заинтригованная, Ника поспешила подняться на второй этаж. Из-за двери с табличкой *«Старшие следователи Преображенский М. Н. и Речиц Н. С.»* раздавались какие-то крики. Кричал не ББ (его голос Ника узнала бы из тысячи), кричала какая-то женщина.

Ника открыла дверь и вошла в свой кабинет. Мизансцена и правда была угрожающей для Макса, любителя спокойствия и тишины. На приставном стуле перед его рабочим столом сидела заплаканная молодая девушка, а по кабинету фурией носилась женщина лет пятидесяти пяти, беспрестанно крича.

Расшифровав вопли женщины, Ника поняла, что у нее

пропал сын, а молодая стерва-невестка и полиция в ус не дуют, и что она это так не оставит.

В какой-то момент женщина наткнулась на Нику и крайне надменно поинтересовалась у нее:

– А вы вообще кто?

– Я могу задать вам встречный вопрос. Разрешите мне пройти на мое рабочее место, – предельно вежливо попросила Ника.

Она уже поняла, что в отдел нагрязнула она – Крайне Проблемная Заявительница. И сулила она всем бедами большими: криками громкими, жалобами длинными да приемами у генерала личными.

– Вы – следователь? Так чего встали, проходите! – приказала Нике заявительница.

– Спасибо, что разрешили, – не удержалась от шпильки Ника.

– Ника Станиславовна, помощи, пожалуйста! Мне шеф отписал заявление по факту безвестного исчезновения гражданина Сосновского. А тут его супруга и мама, гражданка Сосновская, между собой ругаются. Опроси, пожалуйста, супругу в другом кабинете, – жалобно протянул Преображенский.

– Да без проблем. – Ника кивнула заплаканной девушке. – Пойдемте со мной в архив.

В архиве супруга пропавшего гражданина Сосновского присмотрелась к Нике и спросила:

– А это вы у нас в Глухарево перед Новым годом обыск делали? Мы с Петей были понятыми.

– Так это вы – жена учителя? Точно, я помню и вас, и вашего супруга, – сказала Ника. – Напомните, как вас зовут?

– Меня зовут Полина. Ника Станиславовна, с Петей точно что-то случилось. Два дня назад он сказал мне, что поедет на ночь к своей маме. По его словам, Наталье Евгеньевне срочно понадобилась его помощь. Но наутро Петя не пришел, а Наталья Евгеньевна сказала, что Петя к ней не приходил и не собирался приходить.

– Я так понимаю, что у вас долгая история и сложные отношения с Натальей Евгеньевной. Расскажите все подробно с самого начала, – ободряюще улыбнулась Полине Ника.

По сравнению с хабалистой гражданкой Сосновской Полина вела себя вполне достойно, и Ника была очень рада, что как настоящий джентльмен Преображенский принял бремя общения с крайне проблемной заявительницей на себя.

Рассказ Полины оказался немудреным. Со своим любимым Петей она познакомилась в школе, когда училась в десятом классе. Юный Петр Иванович Сосновский, щеголь, только после университета, пришел к ним преподавать русский язык и литературу. На почве любви к русской словесности Петр и Полина сошлись, Петр читал ей стихи собственного сочинения, Полина влюбленно внимала им, и все это привело к незапланированной беременности и большому скандалу.

– Моя мать, как узнала, отходила меня ремнем и выгнала из дома. Петю заставили уволиться из городской школы. Его мать устроила ему выволочку из-за меня, кричала, что не даст ему жениться на малолетней шлюшке. Это она про меня так говорила, – рассказывала Полина свою невеселую историю. – Но Петя от меня не отказался, он сказал, что не даст своему ребенку жить в нищете и убожестве. Мы поженились, ведь мне уже было шестнадцать. Петя нашел работу в деревенской школе, так мы оказались в Глухарево. Тут и родился наш Митенька. А два дня назад Петя мне сказал, что ему срочно нужно поехать к своей матери в Энск, что она снова его вызывает.

– В смысле – «снова вызывает»? Вы же говорили, что ваш муж с матерью не общался? – сразу задала уточняющий вопрос Ника.

– Да, они где-то год не общались, а примерно полгода назад Петя раз в две-три недели стал ездить на ночь к матери в Энск. Говорил мне, что ей тяжело жить одной, что надо ее навещать. Я несколько раз предлагала Пете поехать вместе с ним, но Петя наотрез отказывался меня брать, говорил, что мать меня так и не простила и видеть меня не хочет. Так вот, два дня назад Петя уехал на своей машине, старенькая иномарка у него, его мать ему на окончание университета подарила. Сказал, что поехал ночевать к Наталье Евгеньевне. Но утром он домой не вернулся, на телефонные звонки не отвечал. Я заволновалась, позвонила Наталье Евгеньевне.

Она сразу трубку не взяла, я ей стала писать сообщения, что Петя пропал. А потом она мне перезвонила, стала кричать, что Петю из-за меня уже два года не видит и что он к ней не приезжал. И вообще с момента переезда в Глухарево ни разу у нее не был. А потом она сама приехала, и мы пошли в полицию.

– У вас нет никаких догадок по поводу того, куда мог уезжать ваш Петя на ночь? – поинтересовалась Ника.

– Нет, вообще никаких, – помотала головой Полина. – Единственное, две недели назад он мне дал крупную сумму, которую ему точно не в школе выплатили, – сто тысяч рублей. Я спросила, откуда у него эти деньги, он сказал, что Наталья Евгеньевна дала. А сейчас выяснилось, что она ничего ему не давала. Вот думаю, что, может, он продал свою книгу или стихи?..

– А ваш муж пишет?

– Да, он прекрасно сочиняет стихи и пишет прозу, только никак не может пробиться. Как Петя говорит, народу нужны дешевые детективы и пошлая порнография, а истинное творчество никому не нужно. А Петя же очень талантливый. – Глаза Полины повлажнели, и она отвернулась от Ники.

Ника же задумчиво перечитывала текст объяснения Полины Сосновской и понимала, что обстоятельства исчезновения школьного учителя ей ой как не нравятся. У него явно была вторая жизнь, в которую он Полину посвящать не стал. А там могла быть и другая женщина, и какой-нибудь крими-

нал. И лучше бы Петр Иванович просто сбежал от жены, ребенка и истеричной матери, а не лежал бы хладным трупом где-то в неизвестности, присыпанный снегом до самой весны.

Отпустив Полину, Ника вернулась в кабинет, где Макс все еще мучился с Натальей Евгеньевной. Гражданка Сосновская увещевала Макса, говорила, что ему срочно надо арестовать малолетнюю распутницу Полину, которая укукошила ее сына и закопала его в огороде. Потом Наталья Евгеньевна начала рыдать, размазывая по лицу сопли, остатки туши и алой помады, и говорила, что жизнь ее святого Петечки пошла под откос именно из-за этой дряни Полины. Преображенский клятвенно пообещал заявительнице во всем разобраться, отправить Полину на полиграф и провести розыскные мероприятия в огороде бабы Лизы – хозяйки дома, где жили учитель с женой. После этого Наталья Евгеньевна наконец-то покинула их кабинет, и соседи вздохнули с облегчением.

– Господи, как она меня утомила! – Макс на всякий случай проводил мать пропавшего учителя прямо до дверей отдела, вернулся в кабинет и, дабы обезопасить себя и Нику от внезапного возвращения заявительницы, закрыл дверь изнутри на замок.

– Слушай, а ситуация с этим Петром Ивановичем непростая, – задумалась Ника.

– Да, поди, свалил из своего курятника, – махнул рукой Макс. – Нашел себе даму без заморочек и ушел к ней под

покровом ночи. А с женой побоялся объясняться.

– Думаешь? – Нике стало обидно за приятную во всех отношениях юную Полину. – Неужели от таких уходят? Умная, красивая, молоденькая, на мужа своего разве что не молится.

– Да достала она его своей любовью. Вот он и свалил от нее к той, которую любит сам, – начал философствовать Макс. – Надо будет, конечно, на всякий случай сделать у него дома осмотр. Ты, случайно, в Глухарево в ближайшее время не собираешься? А то бы сделала за меня осмотр их дома, – жалобно посмотрел на Нику Макс.

– Нет, не собираюсь. Отрабатывай своего безвестника сам, – улыбнулась Ника. – Мне от тебя хватило трупа из теплотрассы. Я увязла в нем, как в болоте. С ним бы разобраться и начать жить по-человечески.

– С нашей работой по-человечески мы жить никогда не будем. Только когда уволимся, – хмыкнул Макс, включая чайник. – У нас никакого печенья не завалилось? – поинтересовался он, наполовину исчезнув в шкафу.

И наши герои ушли на чайную паузу.

На следующее утро Ника нервно допечатывала обвинительное заключение, когда на ее рабочий телефон кто-то позвонил. Ответив на звонок, Ника несколько минут не могла понять, кто именно ей звонит и что именно звонивший хочет ей сообщить, потому что трубка мужским басом несколько раз сказала ей только одно: «Рыжие волосы, длинные рыжие

ВОЛОСЫ».

– Не поняла вас, извините, – переспросила Ника.

– У той бабы в пуховике на трассе были длинные рыжие волосы, я вспомнил.

Тут следователь Речиц поняла, что ей звонит один из фермеров, допрошенных ею в «Тракхаусе». Тот самый, что видел на дороге загадочную незнакомку.

– Спасибо за информацию, – пробормотала она и судорожно начала прикидывать, кто из потенциальных фигурантов может похвастаться длинной рыжей шевелюрой. Светка Чеботкова – блондинка, фельдшер из ФАП – шатенка... Стоп!

Тут у Ники в голове стал складываться простой и понятный пазл.

Рыжая Катерина Медкова. Ее светловолосый высокий муж в камуфляжном костюме. Старенькая «Нива», припаркованная в их дворе, мимо которой они вчера шли. Финансовые проблемы Семена Медкова.

Да вот же идеальные кандидаты на роль криминальной парочки! И, главное, любовный интерес первого потерпевшего Алексея Шевкопляса к Катерине Медковой.

Ника дрожащими руками начала перелистывать запрошенную ею детализацию телефонных соединений Шевкопляса. Вот телефонный номер, по которому он звонил ранним утром в последний день своей жизни. Данные о принадлежности этого номера еще не пришли, но Ника была готова

дать голову на отсечение, что это номер Катерины Медковой.

Забыв про обвинительное заключение, Ника быстро оделась и помчалась в геномную лабораторию. Стрелой долетев из Бродска в Энск, она практически бросилась в ноги заведующей лаборатории, попросив ту как можно быстрее проверить один из образцов – тот, что был получен ею в коттедже с флюгером-петушком.

Заручившись согласием экспертов сделать это исследование как можно быстрее, Ника вернулась в отдел. В их с Максом кабинете она застала удивительного гостя – Павла Петровича Потешкина собственной персоной. Потешкин работал хирургом в районной больнице, с ним у Ники намечалось что-то вроде легкого романа, сошедшего на нет из-за триумфального возвращения в ее жизнь Сергея Погорельцева.

– Паша, привет! Какими судьбами?! – улыбнулась ему Ника.

Потешкин при виде Ники тоже расцвел и подскочил со стула.

– Да вот, пришел к Максиму Николаевичу на допрос по поводу пациента с дробью в голове. Да и остался, чтобы тебя повидать.

– Понятно. Пошли тогда пить кофе и сплетничать! – подмигнула ему Ника. Она бросила дежурную папку на стол, подхватила Потешкина под руку и увлекла его на выход из отдела. – Пошли в кофейню в соседний дом, я заодно пообедаю, – уточнила их маршрут Ника.

– Если ты пообедаешь в пять часов, во сколько же ты поужинаешь? – спросил синеглазый хирург.

– Так далеко я не загадываю, – ответила Ника, заходя в кофейню.

Немного погодя, устроившись в углу с кофе и тарелкой супа для Ники, они продолжили беседу.

– Ну, рассказывай, как у тебя дела? – Ника искренне была рада встрече.

Общение с Потешкиным обладало удивительным психотерапевтическим эффектом. Ему достаточно было улыбнуться, сказать несколько слов и посмотреть на собеседника своими удивительно добрыми глазами, что даже нервные и буйные успокаивались и полностью доверялись ему. Следователь Речиц несколько раз видела, как хирург общается со своими пациентами, они сразу понимали, что попали в надежные руки.

– Похвастаюсь немного: меня приглашают в Энск, в областную больницу. Вот думаю.

– А что тут думать? Надо соглашаться. Из-за чего сомневаешься, если не секрет?

– Не хочется резко менять свою жизнь. Я же местный, здесь родился и вырос. В Энске я жил, только когда в меде учился. Энск для меня слишком большой, слишком громкий. Такой вот я провинциал, – заключил Потешкин. – Ты за своего Сергея еще замуж не вышла?

– Нет, еще не вышла, – снова улыбнулась Ника, хотя, по

правде говоря, где-то в глубине души уже ждала или предложение руки и сердца от Погорельцева, или хотя бы серьезного разговора о планах пожениться.

– Значит, у меня еще есть шансы, – просиял Потешкин.

Ника внимательно посмотрела на него и поняла, что тот не шутит. Она сразу почувствовала себя очень неудобно, будто этим совместным походом в кофейню дает своему визави ложную надежду и сознательно морочит ему голову.

Паша моментально считал перемену в настроении Ники и сменил тему:

– Как у тебя дела на работе? Закончила то дело, по которому я тебя в деревню возил?

– О да, перед Новым годом в суд направили.

– Она признала вину?

– Ой, там сложная история, типичная для многих наших жуликов: то было, то не было, тут помню, тут не помню...

Ника и Потешкин проболтали больше часа. На улице стемнело. Кофе уже был допит, и Павел вызвался проводить ее до отдела. И они уже готовы были распрощаться на самой приятной дружеской ноте, как вдруг, перед самым входом в отдел, Потешкин нервно дернул плечами, схватил Нику за руки и развернул ее к себе. Свет фонаря над крыльцом падал на его серьезное и печальное лицо, казалось, что он знает про Нику какую-то нерадостную тайну.

– Ника, послушай меня внимательно. Я желаю тебе только счастья. Не скрою, не радуют меня твои отношения с этим

твоим Сергеем, я помню, что у вас уже один раз все не заладилось и привело к расставанию. Помолчи и послушай! – прервал он Нику, пытавшуюся было что-то возразить. – С кем ты найдешь свое счастье – решать не мне. Ты просто помни, что если он тебя снова обидит или тебе будет нужна помощь, ты всегда сможешь ко мне обратиться. Ты поняла меня? – И, не дожидаясь ответа, Потешкин коснулся ее губ своими губами в каком-то мимолетном поцелуе, а потом отпустил Нику, резко повернулся и скрылся в зимних сумерках.

Ошарашенная таким внезапным напором, Ника осталась стоять на крыльце отдела. Надежда на то, что Потешкин может остаться для нее прекрасным другом, развеялась на глазах.

Задумчивая Ника не стала сразу подниматься к себе на второй этаж и заглянула в кабинет Леси Лазаревой. Леся осматривала вещественные доказательства, раскидав кучу окровавленный тряпок, какие-то палки и ножи по всему полу. Но, судя по хитрому выражению лица, последние пять минут Леся смотрела не только на эти предметы, похоже, что она многое увидела в окно, выходящее на крыльцо.

– Я вижу, что у тебя появился еще один поклонник? Это же тот хирург из больницы, который на лошадку похож?

Высокий, мосластый и суровый на вид Потешкин действительно чем-то напоминал коня.

– Ага, это именно он. Видишь, как у меня весело: то густо,

то пусто.

– И что, ты с ним теперь будешь встречаться? А как же твой Погорельцев? – сыпала вопросами Леся.

– Да не буду я с ним встречаться. Я надеялась, что мы сможем стать отличными друзьями, но, похоже, он меня как друга не воспринимает. Какое тут общение? Тем более что я практически без пяти минут замужем.

– Так-то оно так, только замуж тебя еще не позвали, – проворчала под нос Леся.

Она не жаловала Погорельцева. Она ни разу не сказала про него ничего плохого, но Ника все равно чувствовала с ее стороны сильное отторжение к Сергею. Леся очень хорошо помнила, в каком состоянии Ника вернулась в отдел после размолвки с Погорельцевым и как сильно она страдала.

– Буду рада, если у тебя с твоим Сергеем все сложится, но нет у меня к нему доверия, – наморщила лоб Леся, приставив дырявые трико на листы белой бумаги.

В этот момент в кабинет Леси заглянул Преображенский с кружкой в руке. Увидев засыпанный вещдоками пол, загруженную работой Лесю и печальную Нику, он присвистнул.

– О, а я думал, что ты со своим хирургом загуляла, пришел к Лесе чаю попить. А где твой хирург? – поинтересовался у Ники Макс.

– Ушел, – ответила Ника. – Как думаешь, возможна ли дружба между мужчиной и женщиной?

– Хе-хе, нашла, что спросить. Ну, мы же с тобой дружим,

значит, возможна, – не стал погружаться в философию Преображенский.

– Мы с тобой не дружим, мы с тобой в одном кабинете сидим. А это сильнее, чем дружба, больше, чем любовь, – парировала Ника.

– Вот это ты загнула! – восхитились Макс и Леся.

После вечернего чаепития Ника поднялась в свой кабинет. До позднего вечера она просидела как на иголках, ожидая звонка из ДНК-лаборатории. К счастью, эксперт позволила ей сразу же, как был получен результат.

Результат отрицательный. Женский геном, обнаруженный на барсетке Шевкопляса и в кабине автомобиля Кротова, не принадлежал Катерине Медковой.

Ника была разбита и обескуражена.

– Как же так, – шептала она. – Все же так складно получалось. Рыжая женщина с явной связью с первым потерпевшим. Могла присматривать будущих жертв в своих «Горячих беляшиках», они сто процентов все там бывали. Что же теперь делать?

В этот момент в дверь кабинета постучали. Ника вздохнула и крикнула:

– Войдите!

В кабинет заглянул Коля Ткачук.

– Что-то у меня опять с нашими фермерами не складыва-

ется, – пожаловалась ему Ника и поделилась неутешительными итогами своей утренней дедукции.

Коля присел на место Преображенского, уже ушедшего домой, почесал затылок и внезапно спросил:

– Слушай, все забываю у тебя узнать, а что в итоге показали экспертизы по ножу из фуры Шевкопляса?

В кабинете воцарилось молчание.

– По какому ножу из фуры Шевкопляса? – спросила Ника. – Там в остатках рефрижератора только барсетка была.

– Нет, Ника, ты чего, там был нож. Я же раньше всех на место приехал вместе с Перегудиным. Можешь у него спросить, там вместе с барсеткой лежал обгоревший нож. У меня даже фото осталось, вот.

Коля полез в карман, достал из него телефон, покопался в миллионе фотографий трупов, документов и всякой неведомой ерунды, которой полны телефоны оперов и следователей. И, наконец, продемонстрировал Нике снимок, где крупным планом была запечатлена уже известная Нике барсетка, а рядом – обгоревший нож.

– Что за фигня? – от волнения у Ники стал заплетаться язык. – Кто украл нож с места происшествия?

– Ты хочешь сказать, что, когда ты полезла в кузов, там ножа не было? – Удивленный, Коля вскочил со стула и стал бегать по кабинету в стиле незабвенной заявительницы Сосновской-старшей.

– Да, его там не было. – Ника села за стол и вцепилась

руками в волосы, стараясь прийти в себя и понять, что же делать дальше. – И теперь нам с тобой надо понять, кто же украл нож из рефрижератора: ты, я, Новенький, Перегудин или товарищ Турусов?

Коля мрачно усмехнулся:

– Тебя и меня, я думаю, можно вычеркнуть. А с остальными тремя нам придется разбираться.

– Да, похоже, что в ваших дружных милицейских рядах оказалась большая жирная крыса со званием не ниже майорского. Опытная и прожженная милицейская крыса.

Посоветовавшись, Коля и Ника решили пока сохранять факт загадочного исчезновения ножа с места происшествия в тайне. Ника тщательно расспросила Ткачука про то, как развивались события на месте обнаружения грузовика Шевкопляса до ее прибытия, и пришла к выводу, что возможность стащить нож была и у Турусова, и у Перегудина, и у эксперта Новенького. Все трое залезали в сгоревший рефрижератор, ходили вокруг него, и до приезда следователя Речиц у них было примерно полчаса.

Коля решил «прощупать» каждого из подозреваемых своими оперативными методами, но для начала необходимо было выяснить, что же такого примечательного было в этом ноже, что заставило кого-то из оперативной группы утащить его с места происшествия. Ткачук и Речиц рассмотрели фотографию ножа повнимательнее, но, кроме того что рукоятка и лезвие были покрыты копотью, ничего приметного не

обнаружили.

– Давай перекинем фото ножа с твоего телефона мне на ноутбук и попробуем увеличить изображение, – предложила Ника.

– Лупу принести? – пошутил Коля.

– Думаю, что справимся без нее, – улыбнулась Ника.

И вот изображение ножа появилось на экране ноутбука, пара нажатий кнопкой мышки, и нашим героям стала видна полустертая надпись на клинке ножа – «Табулга-2007».

– Как мило – гравировка на память. Теперь осталось разобраться, что же связывает кого-то из наших фигурантов с Табулгой.

В ту ночь Нике приснился кошмарный сон. Ей снилось, что она шахматная фигура, что само по себе было удивительно: Ника не играла в шахматы и не могла запомнить правила, по которым ходят фигуры. Вся в чем-то черном и блестящем, похожем на костюм из латекса, она ходила по клеткам, пытаясь победить белых сияющих коней, офицеров и пешек. Но в какой-то момент откуда-то сбоку с гиканьем и воем выскочил черный конь и укусил Нику за задницу.

Проснувшись, Ника включила свет в комнате и села на диване. Укушенное во сне мягкое место почему-то болело наяву. Пошевелившись, Ника поняла, что сидит на своих же наручных часах, и посмотрела на циферблат. Кошмар приснился ей под утро, досыпать осталось всего ничего.

Что ж, для того, чтобы истолковать этот сон, ей не нужен сонник. Как порой сложно бывает найти преступника, как непросто бывает общаться с этими худшими представителями рода человеческого, но самыми мерзкими, по мнению Ники, были удары в спину от тех, кто по долгу службы должен играть в твоей команде. Всякое уже бывало в жизни Ники. И уже обманывали ее полицейские и по-крупному, и в мелочах, пытаясь выгородить своих знакомых, родственников, агентов или самих себя. Но чтобы сотрудник полиции утащил с места происшествия по темному убийству нож – это было просто за пределами добра и зла. И если для ответа на вопрос, кто это сделал, надо будет самой забраться за эти пределы, то она готова туда пойти.

Задумчивая Ника приехала на работу. Возле входа в отдел курила Леся Лазарева.

– Привет, ты чего в такую рань приехала? – удивилась она.

– А ты чего так рано? – ответила вопросом на вопрос Ника.

– А я дежурку жду. Поеду в психоневрологический интернат. Там жулик без ножек зарезал потерпевшего без ручек.

– Душераздирающая история, – вздохнула Ника. – А я доработалась до того, что мне ночью стали сниться кони, кусающие меня за задницу.

– Какие у тебя сны интересные! А мне уже давно ничего не снится. Интересно, к чему кони снятся? – оживилась Ле-

ся. – Может быть, они снятся к тому, что надо получше при-
смотреться к хирургу, похожему на лошадку?

– Да хрен с ними, с конями. Ты представляешь, у меня с
места происшествия кто-то из ментов нож спер! – решила
поделиться с коллегой своими печальями Ника.

– Да ты что?! – Леся от удивления чуть не выронила си-
гарету. – А кто?

– А вот это большой вопрос. Сама знаешь, что на месте
происшествия по убийствам часто трется половина отдела
полиции. И нож прибрали еще до моего приезда.

– Жесть, – выдохнула Леся. – Помню, как у меня пару
раз эксперт-криминалист до моего приезда додумался веще-
ственные доказательства упаковать, типа, чтобы время сэко-
номить. Но вроде они уже давно так не чудили. Но чтобы
нож стащили, я такого и не припомню.

– Вот-вот, проблема, что сейчас с этим делать. Я пока для
себя решила, что буду расследовать дело дальше так, как буд-
то и не было этого ножа. Есть у меня предчувствие, что мы
его уже не догоним.

– Да нет, хотелось бы узнать, кто из наших бравых поли-
цейских способен на такие подвиги, – нахмурилась Леся. –
Ты хотя бы намекни, кто у нас в списке подозреваемых?

Но тут к отделу подъехала дежурка, и Леся, подхватив
следственный чемодан, скрылась на заднем сиденье уазика.
Ника помахала ей вслед и поплелась в свой кабинет. От ду-
рацких снов с конями, раннего пробуждения, исчезнувшего

ножа и странной сцены с Потешкиным почему-то было тошно. И разогнать тоску и печаль Ника решила старым проверенным способом. Работой.

В кабинете от нерадостных размышлений о том, кто же является крысой на корабле межмуниципального отдела МВД России «Бродский», Нику отвлек звонок полковника Турусова.

– Вот, Ника Станиславовна, вы все жалуетесь, что мы ничего не делаем, – вкрадчиво начал полковник. – А мы, между прочим, вчера получили явки с повинной по убийствам наших фермеров.

– От кого? – удивленно спросила Ника.

– Как от кого, от Чеботкова, конечно. Вчера мои ребята побывали у него в следственном изоляторе, он все им рассказал, как этих фермеров убивал. Сегодня к вам приедет опер Чурилов, привезет явки.

– Странно, Ткачук заходил ко мне вчера вечером, ничего про эти явки не говорил.

– Ну, у Ткачука своей работы много, я лично взялся за это дело, и вот результат, – важно ответил Турусов. – Надо будет вам съездить к Чеботкову, закрепитья.

– Всенепременно съезжу, – ответила Ника.

Она задумчиво встала и прошлась по кабинету. Ехать к Чеботкову действительно надо поскорее: надо понять, что именно заставило его покаяться, при условии что в течение

месяца он упорно отрицал свою причастность к убийствам. Мнительной Нике показалось очень странным, что явки с повинной в деле всплыли почти сразу после появления информации о пропавшем с места происшествия ноже.

В следственном изоляторе печальный Чеботков сообщил Нике и адвокату Толстоброву, что действительно посидел, подумал, все осознал и решил покаяться в своих прегрешениях. Что все обстоятельства совершенных им преступлений он изложил в своих явках с повинной, что эти обстоятельства он полностью подтверждает.

– Убивали вы их зачем? – спросила Ника.

– Чтобы деньги у них забрать, у меня были финансовые проблемы.

– Какие именно?

– Долги, – угрюмо ответил ей бородач.

– Кому вы были должны?

– Я не помню.

– Как это вы не помните?

– Не хочу говорить об этом.

– Хорошо, – не стала настаивать Ника. – Завтра мы поедем на места происшествий, и вы все нам покажете, как, кого и где вы убивали.

– Это обязательно? – Чеботков покосился на своего адвоката.

– Вы вправе отказаться, воспользовавшись статьей пятьдесят первой Конституции, но, для того чтобы следствие вос-

приняло ваши явки с повинной всерьез, нам желательно выехать на место. Дело в том, что... – Ника брезгливо помахала листами явок Чеботкова, держа их двумя пальцами, словно ядовитую змею, – ваша с операми писанина пока даже меня особо не убеждает.

– Вы считаете, что я вру, что ли? – обиделся Чеботков. – Да я вам чистую правду написал.

– Покажете все на месте, может, я вам и поверю.

– Да я вам все покажу! Это я их убил! – закричал Чеботков, подскочив со стула.

– Хорошо, завтра покажете, договорились, – кивнула Ника.

Она закончила допрос, попрощалась с Чеботковым и его защитником и решила заглянуть в спецчасть следственного изолятора. Нику очень интересовал один вопрос, кто же навещал Чеботкова накануне написания им явок с повинной.

Получив эту информацию, Ника очень удивилась и крепко призадумалась. Похоже, что человек, забравший нож из сгоревшей фуры, не побрезговал посетить следственный изолятор. Загадка была в том, ради кого он так расстарался.

Ника вернулась в отдел. Войдя в кабинет, она споткнулась о кучу коробок, которые Преображенский всячески старался распахать по комнате.

– Это что еще такое? – поинтересовалась Ника.

– Это архив пропавшего учителя, – пропыхтел из-под сво-

его стола Макс. Он как раз пытался пристроить под стол хотя бы пару коробок. – Он же, оказывается, типа писатель. Дневники, какие-то романы. Непризнанный гений, блин. Его мамаша мне уже раз десять звонила, вопила, что надо срочно забрать у жены эту писанину, пока она ее не издала под своим именем. Я тебе под стол тоже две коробки поставил.

– О боже, – только и смогла сказать Ника. – А огород-то ты осмотрел?

– Да что его смотреть? Весь покрытый снегом, абсолютно весь. Вряд ли жена его кокнула и там закопала. Мне, кстати, их квартирная хозяйка сказала, что учитель действительно часто пропадал где-то по ночам. Жене говорил, что едет к матери, а сам куда-то сваливал. Хозяйка подозревала, что у него баба где-то есть, потому что уж сильно он прихорашивался, когда к матери с ночевкой собирался.

– В общем, у тебя в деле тоже «ищите женщину», – усмехнулась Ника. – Ты, кстати, дело-то возбудил?

– Да нет еще. И не хочу возбуждать. Мне кажется, что этот очкастый крендель и правда свалил от жены с ребенком и матери-истерички и сейчас где-то кайфует.

– Было бы хорошо. А то многовато трупов в этом Глухареве. Ты будешь все это изучать? – Ника кивнула на коробки.

– Да упаси боже. Пусть пока в кабинете постоят, потом, наверное, этот учитель найдется, верну ему все. А что там твой Чеботков? Покололся?

– Да странно все с ним. Какие-то невнятные явки с повин-

ной написал, завтра поедем с ним на место, пусть покажет, кого и как он убивал...

Но с демонстрацией совершенных им убийств у Чеботкова почти сразу не задалось. Следственная группа приехала вместе с ним в его дом, где, согласно явке с повинной, у него возник преступный умысел на совершение убийства Алексея Шевкопляса с целью похищения принадлежащих ему денежных средств.

Именно таким восхитительным канцеляритом была изложена явка с повинной, по мнению Ники, явно написанная под диктовку оперов. Для окончившего с горем пополам девять классов Сергея Чеботкова обороты «умысел» и «денежные средства» были явно в новинку. В ходе «проводки» он тоже ими не оперировал.

– Я, ну это, подумал, что надо его грохнуть и бабки забрать... Я, ну, это самое, дал ему по морде кулаком два раза, а потом, ну, это самое, нож взял и пырнул его.

– Пырнули его куда? – поинтересовалась Ника.

– Ну, вот так.

Похоже, что Чеботкова предупредили, что удары потерпевшему были нанесены в спину, по этой причине он как-то неловко развернул манекен, изображавший жертву, и стал вяло тыкать картонным муляжом ножа ему в спину.

– А Шевкопляс сопротивлялся вот таким вашими действиями?

– Сопротивлялся, но не долго, – печально отозвался Чеботков.

– Еще какие-либо телесные повреждения ему причиняли?

– Нет, не причинял, – проямлил Чеботков.

– Куда труп потом дели?

– Постараюсь показать.

Демонстрация места сокрытия трупа тоже получилась не особо убедительной. Кающийся бородач заблудился в лесу рядом с городской свалкой и к нужному колодцу теплотрассы группу так и не привел.

Фиаско постигло его и на месте второго убийства. Он толком не смог объяснить, по какой причине фермер Кротов заехал вместе с ним в лес, а потом долго водил Нику, конвой, понятых и следователя-криминалиста по заснеженным дорогам, будто пытаясь что-то вспомнить.

– Что-то «проводка» какая-то вообще неубедительная, – задумчиво произнес следователь-криминалист Топорков, снимавший невероятные приключения Чеботкова в лесу на видео.

– Я уверена, что это не он, но он покрывает кого-то из своих знакомых, – поделилась с ним своими соображениями Ника.

– Или пытается усидеть на двух стульях сразу. Вроде бы и признался, а вроде всегда можно сказать, что оговорил себя.

– Все может быть. Будем дальше разбираться.

На самом деле Ника уже была полностью уверена, что Че-

ботков занимается самооговором. У нее в потайном карманчике был козырь, о котором она не говорила никому: ни руководству, ни коллегам, ни друзьям. Она прекрасно помнила разговор с экспертом Рябоконец после вскрытия трупа Шевкопляса: его еще и придушили перед смертью, причем придушили удавкой. Так вот, Чеботков ни разу не продемонстрировал свою преступную осведомленность и не сказал об этом. Он точно не видел, как убивали его друга.

В отделе Ника решила еще раз просмотреть все материалы уголовных дел по убийствам фермеров, вдруг она что-то пропустила. Она внимательно перечитала заключение эксперта по обреза ружья, обнаруженного дома у Чеботкова. Ружье было переделано из карабина «Сайга», при этом подпольный оружейник спилил номера на ружье; установить, кому оно принадлежит, не представлялось возможным. При этом, согласно ответу лицензионно-разрешительного центра, Чеботков никогда оружие официально не приобретал. Охотничьего билета не имел. На вопрос Ники, откуда он взял ружье, Чеботков воспользовался «оригинальным» для всех жуликов ответом, что «нашел».

Так, по оружию пока тупик.

Потом Ника решила перелистать справки информационного центра в отношении всех жителей Глухарево, так или иначе попавших в поле зрения следствия, возможно, в них все-таки найдется что-то интересное.

Ника лениво перелистывала справки ИЦ и пила чай из своей любимой, почти пол-литровой кружки, как вдруг ее рука дрогнула, и она чуть не залила дело века крепким черным чаем.

– Вот она, связь одного из жителей деревни с Табулгой. Место рождения: Табулга!

Отодвинув в сторону том уголовного дела, Ника прилипла к своему ноутбуку. Сейчас ей могло помочь внимательное изучение социальных сетей. Есть! Как Ника и предполагала, любая женщина не может не похвастаться фотографиями со свадьбы. Вот фотографии гостей, вот фото брачующихся со свидетелями. А вот и ответ на вопрос, кто и кого покрывал, утащив с места происшествия нож.

Ника оторвалась от монитора и потерла глаза. В ее голове уже начали выстраиваться какие-то причинно-следственные связи, но единая картина совершенных преступлений пока не вырисовывалась.

Из глубокой задумчивости следователя Речиц выдернул отчаянный вопль Макса Преображенского, влетевшего в кабинет на третьей космической скорости.

– Ника, она прорвалась на личный прием к генералу!

– Кто прорвался?

– Бабка Сосновская. Я ей вчера по телефону сказал, что на возбуждение пока не натягивается... – начал было свой рассказ Профессор.

– И тут-то она тебя и натянула по полной, – прервала его

Ника. – Ладно, командуй, чем тебе помочь перед личным приемом?

– Не знаю. – Макс хаотично метался по кабинету, пытаюсь понять, с чего же ему начать. – Все погорело, меня накажут! Может, уволиться?

Ника молча смотрела на него. Они сидели в одном кабинете с первого дня работы Ники следователем, желание уволиться Преображенский высказывал почти каждый день, но свои угрозы в жизнь не претворял.

Набегавшись по кабинету, Макс остановился.

– Может, осмотреть то барахло, что я изъял у этого учителя дома?

– Мы будем его неделю осматривать, кто же знал, что он такой «писучий». – Ника обвела взглядом коробки, которыми была завалена половина кабинета. – О, а давай их поделим между мной, тобой, Лесей и Кешей. Леся, я думаю, не откажется помочь, а Кешу и спрашивать никто не будет.

Иннокентий, отлично зарекомендовавший себя во время практики, решил остаться в отделе в качестве общественно-го помощника и прибил к Макс и Нике.

Бросив клич, Ника собрала всех спасателей Макса от генеральского гнева у них в кабинете. Наши герои разобрали по коробке с изъятыми вещами и записями и разбрелись каждый в свой рабочий уголок. Леся спустилась к себе в кабинет, Кеша утащил свою коробку в архив, где целыми днями делал за Макса и Нику всякую нудную бумажную работу

вроде составления проектов постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, а Макс и Ника остались у себя и тоже погрузились в осмотр.

– Господи, какой он плодовитый! – Ника перелистывала записные книжки со стихами, на ее вкус довольно посредственными. – О, он еще и пьесы пытался писать. А это его публицистические статьи на тему, как нам обустроить Россию.

– Как, как... – пробормотал Макс. – Перестать всякую ерунду писать и по ночам болтаться, где попало.

– А я, кажется, знаю, кто убил моих фермеров, – похвасталась Ника, не отрываясь от осмотра документов. – Только мою стройную версию пока никак «геномка» не вписывается.

– Потом расскажешь, давай сначала доделаем осмотр. А то завтра меня генерал поднимет при этой Сосновской, и будет мне очень плохо, – жалобно сказал Макс.

В этот момент в кабинет как-то бочком и крадучись зашел Кеша. Вид у него был шокированный, и без того большие глаза напоминали два огромных блюда. Слегка заикаясь, Кеша сказал:

– Ника Станиславовна, я тут кое-что нашел... – и положил перед ней на стол толстую тетрадь с надписью «*П. И. Сосновский. Час волка*».

– Это что еще за дребедень? – спросил Преображенский.

– Это его роман. Но он больше похож на дневник. Ника

Станиславовна, почитайте вот тут! – Кеша ткнул пальцем куда-то в середину тетради.

Ника начала читать вслух с указанного места:

– *«Катерина нежно и призывно посмотрела на фермера, он в ответ плотоядно облизнулся и прошептал: “Я иду к тебе, моя сладкая”. В ту же секунду, как этот похотливый мужлан протянул руки к моей Катерине, я выскочил из-за кустов, в которых прятался, и накинул на его шею удавку. Но фермер оказался крепким орешком, он начал сопротивляться, перехватил мои руки, повалил меня на землю, сам лег на меня сверху и попробовал придушить меня.*

– *Ка-те-ри-на, по-мо-ги...* – только и смог прохрипеть я.

Тут я почувствовал, как мой противник ослаб. Я смог выбраться из-под него, увидел, что Катерина стоит рядом с трупом фермера с окровавленным ножом, а вся спина его представляет собой зияющую кровоточащую рану.

– *Слабак,* – презрительно посмотрела на меня Катерина. – *Все пришлось самой делать.*

– *Лапушка моя,* – сказал я, заключая Катерину в свои объятия. – *Верь в меня, в следующий раз я не подведу».*

– *Что. Это. Такое* – недоуменно уставился на Нику Макс Преображенский.

– *А это какой-то новый невероятный поворот в нашем деле про сорок ножевых.* – Ника в изнеможении откинулась в своем кресле. – *Черт, пять минут назад я была уверена, что фермеров мочил Семен Медков при попустительстве нашей*

местной полиции. А оказывается, это делал наш потеряшка Сосновский с Катериной Медковой. Да еще и описывал это в своих графоманских трудах!

Да, неисповедимы твои пути, лукавый следственный бог!

В тот вечер обстановка в кабинете Макса и Ники напоминала кадры из фильма «Титаник», где вся команда исследовательского судна собралась, чтобы послушать увлекательную историю одной пожилой леди о ее похождениях в молодости. Только вместо живого рассказчика перед Речиц, Преображенским, Лазаревой, Иннокентием и присоединившимся к ним Денисом Денисовичем Кораблевым предстал автобиографический роман учителя-очкарика из Глухарево, написанный чудовищным русским языком и содержащий признания в не менее чудовищных делах.

Петр Иванович Сосновский, двадцатичетырехлетний учитель русского языка и литературы Глухаревской средней общеобразовательной школы, в своем литературном труде ассоциировал себя исключительно с одиноким волком. В начале он долго и многословно описывал свою юность, отравленную давлением властной матери и отсутствием в его жизни отца, сбежавшего от гражданки Сосновской сразу после рождения маленького Пети. Далее Петр описал знакомство с юной Полиной, в которой, по его собственным словам, он *«сразу заметил хорошие задатки для воспитания покорной жены»*. Потом на пути одинокого волка встала незаплани-

рованная беременность, похожий по силе на ядерный взрыв конфликт с матерью, увольнение со скандалом из школы, где он и Полина обрели друг друга, переезд в Глухарево.

«Но все эти события были ничем, пустым местом, пока я не встретил ее. Ту самую. Мою волчицу».

Катерину Медкову глухаревский учитель встретил случайно, на улице. Шла ему навстречу женщина в белом платье, сквозь тонкую материю которого он увидел *«спелую сочность ее груди и глубинное солнцесплетение ее лона»*.

«Господи, какой мастер изящной словесности скрывается в невзрачном квартиранте бабы Лизы», – подумала Ника, продираясь через навороченные речевые обороты Сосновского.

«И она тоже увидела меня, мою неутоленную мужественность, мою амбициозность и жажду власти».

После взаимного разглядывания «мужественности» и «спелой сочности» Катерина и Петр оказались дома у Медковых, где и стали любовниками. Хитрая Катерина оказалась недовольна своим мужем. По ее словам, Семен Медков оказался жалким неудачником, с которым она по гроб жизни будет гнить в Глухарево. То ли дело Петр Иванович, который позиционировал себя практически Хемингуэем. Он клятвенно пообещал Катерине, что прославится, что его новый роман «Час волка», посвященный их любви, вознесет его на вершину мировой известности. Но Катерине срочно хотелось переехать как минимум в Энск, а лучше в самую сто-

лицу, и для этого нужен был какой-никакой стартовый капитал.

Вначале наши герои хотели позаимствовать деньги у ничего не подозревающего мужа Катерины. Но Семен крупно вложился в своих породистых телят и прогорел на них. Тогда Катерина и Петр разработали план, по которому Катерина будет в своих «Горячих беляшиках» присматривать фермеров и дальнобойщиков при деньгах, заманивать их в лес, а там Петр будет убивать их и грабить. По первоначальному плану преступной парочки все злодеяния надо было свалить на Семена Медкова. Именно ему они хотели подкинуть удавку, которой планировали душить своих жертв.

Но первая же вылазка криминальной пары на промысел оказалась не особо удачной. Петр растерялся, внезапно выяснилось, что душить людей гораздо сложнее, чем писать графоманскую прозу и кружить головы молоденьким дурочкам. Шевкопляс отчаянно сопротивлялся и чуть было сам не задушил нападавшего. Но на помощь любовнику пришла Катерина, на всякий случай захватившая из дома нож. Передавшего подавать признаки жизни Шевкопляса наши герои завернули в его собственную куртку, оказавшуюся в кабине грузовика, труп погрузили в багажник Катериной «Нивы», и вечером того же дня Петр сбросил труп в колодец теплотрассы.

Ника не могла поверить своим глазам. Мало того, что преступная пара начала свою кровавую жатву с хладнокровием,

более подходящим закоренелым душегубам, нежели школьному учителю и супруге деревенского коммерсанта, так Петр Иванович еще ухитрился зафиксировать все происходящее во всех деталях в своем документальном романе. Похоже, что неистребимый писательский зуд оказался сильнее осторожности. Или же Сосновский был настолько уверен в их безнаказанности, что даже шифровать героев своей писанины не стал.

То, что подозрение пало на соседа Петра Ивановича – Сергея Чеботкова, стало для Петра и Катерины большим сюрпризом. Узнав, что Чеботкова отпустили домой, они обрадовались. Какими-то неведомыми для Сосновского путями Катерина добыла обрез охотничьего ружья и предложила во время следующего нападения использовать его. Как объяснила ему любовница, с обрезом в отличие от удавки даже такой недотепа, как Петр, сможет справиться.

– Судя по всему, сама Катерина своего дружка одиноким волком не считает, – грустно усмехнулась Ника. – Скорее сереньким туповатым зайчиком.

Недописанный роман закончился на самом интересном месте. Катерина сообщила Петру, что завтра ее муж уезжает по делам в Энск с ночевкой и они пойдут на дело. Ранним утром, примерно в четыре часа, они будут ждать кого-нибудь из водителей, переночевавших в Глухарево и выдвинувшихся в направлении Алтая. Катерина будет изображать деву в беде, заманит кого-нибудь из них в придорожную лесополо-

су, а там их будет поджидать Петр с обрезом, который, после успешного завершения задуманного, будет подброшен в дом Чеботкова.

Заканчивался текст такими словами: *«Неслучайно Катерина выбрала именно это время – четыре часа утра, час волка. Зимой в предрассветные часы в наших краях в это время особенно темно, и не отличить путнику волка от собаки, и не догадаться ему, что под маской приветливой нежной испуганной красавицы скрывается хищный оскал настоящей волчицы. А только что проснувшийся, еще не избавившийся от сонной одури человек в темноте наиболее уязвим и незащищен».*

После прочтения Никой последних строк в кабинете воцарилась полная тишина. Внезапно Ника осипшим от долгого чтения вслух голосом спросила:

– Ну, и что теперь с этим дерьмом мне прикажете делать?

Возникла новая пауза, которую на сей раз прервала Леся.

– Похоже, что надо ехать и брать эту Катерину Медкову. Учитель не просто так пропал. Судя по его писанине, она та еще штучка и после второго убийства «зачистила» подельника.

– Надо брать побольше толковых полицейских, – сказал ДД. – Если хотя бы половина написанного ее дружкой Сосновским правда, то эта Катерина просто так не сдастся. Она еще половину опергруппы на тот свет за собой утащит.

– Там еще один тонкий пикантный момент. Эту Катерину

покрывает наша доблестная полиция, – сказала Ника.

– А ее-то с чего? – хором удивились все присутствующие, кроме Дениса Денисовича. Ему Ника под большим секретом успела поведать об исчезнувшем ноже.

– Долгая история. И как мы ее будем брать?

– Пойду позвоню своим знакомым в ГУВД, объясню им ситуацию. Попрошу, чтобы помогли. Если что, карточки на раскрытие потом на них выставим. – ДД ушел в свой кабинет, оставив трех следователей и практиканта продолжать планировать захват Катерины Медковой.

– Вот здорово, – мечтательно сказал Макс. – Мы одним махом два дела раскрыли. И твои убийства, и мое исчезновение учителя. И это перед личным приемом. Крутяк.

– Ты учителя еще не нашел, – подколола его Леся.

– Да его точно эта баба грохнула. А я же почти пошел с ней на свидание, – ужаснулся Макс. – Она же и меня могла вовлечь в свои криминальные сети.

– И самое смешное знаете что? – нервно хохотнула Ника. – Раскрытие два дня валялось у нас буквально под ногами. Я на ту коробку, которую осматривал Кеша, два дня ставила ноги. А в ней оказалось все. И преступление, и признание.

– И даже «сочная спелость лона», – констатировала Леся, которую словесная эквилибристика Сосновского тоже не оставила равнодушной.

– Нам завтра с утра дадут оперов, поедем за Медковой, – заглянул в кабинет Денис Денисович. – Я договорился. В

пять утра всем быть на рабочем месте в отделе, поедем отсюда.

Ника посмотрела на часы. До начала реализации оставалось восемь часов. Нужно попробовать поспать.

Ника проснулась по будильнику в четыре утра. За окном был, выражаясь аллегориями Сосновского, час волка во всей красе. Темень стояла такая, что хоть глаз выколи. Вдохнув предутренний морозный воздух и стряхнув с машины подмерзший за ночь снег, Ника порулила в отдел.

В отделе сонно почесываясь, попивая растворимый кофе, медленно просыпалась реализация: из угла в угол ходили опера. Жаворонки среди них пытались флиртовать с симпатичной блондинкой Лесей, обмениваться шутками с Максом и Никой, остальные же еще пытались отойти ото сна и прийти в себя. На такси прибыл в отдел Кеша, который накануне отказывался идти домой, пока Ника на комментарии к уголовно-процессуальному кодексу не поклялась, что возьмет его на обыск и задержание Катерины Медковой.

Наконец, мелькание бланков, форменных брюк, камуфляжа, недопитых кружек с кофе закончилось, все погрузились в машины, и правоохранительная кавалькада двинулась в Глухарево.

В село они въехали ровно в шесть утра.

«Забавно, – подумала Ника. – По идее старая следственная хитрость с ранним началом времени обыска сродни рас-

суждениям Петра и Катерины про час волка. Что в часы, когда ночь встречается с утром, сон особенно крепок и сладок, а человек спросонья слаб и доверчив, может открыть дверь, не задумываясь. Эффект неожиданности под утро срабатывает сильнее».

Стараясь действовать максимально незаметно, насколько это возможно в деревне, следователи, опера и понятые вышли из машин за несколько проулков до дома Медковых, где их тут же «срисовали» несколько деревенских кумушек, спешащих с утра на работу.

«Уже можно особо не таиться», – подумала Ника.

Вот кто-то из оперов постучал в знакомую калитку и несколько раз продолжительно нажал на кнопку дверного звонка. Из-за забора в доме послышалась слабая трель. Через пару минут калитка открылась, на пороге стоял Семен Медков в знакомой Нике камуфляжной куртке, наброшенной поверх футболки и тренировочных штанов.

– Здравствуйте, Семен Михайлович! Мы пришли провести неотложный обыск в вашем доме. Вот постановление, можете ознакомиться. – Ника протянула Медкову постановление и, на всякий случай, свое служебное удостоверение.

Медков посмотрел на присутствующих каким-то стеклянным взглядом, не выражающим никаких эмоций. Даже не взглянув на постановление, он молча кивнул Нике и сказал:

– Пойдемте.

Ника хорошо запомнила не самую дружелюбную реак-

цию Медкова на свой предыдущий приход, поэтому была несколько удивлена, но потопала вслед за ним. За этими двумя потянулись и все остальные.

Вот и знакомое крыльцо, небольшой холл, а вот и гостиная, в которой Ника тоже уже была. И эта красивая внешне, но страшная по своей сути женщина все так же сидит на диване. Вот она поднялась навстречу Нике и своему мужу. Ника внутренне немного сжалась, от такой всего чего угодно можно ожидать. Подождав, когда все опера зайдут за ними, следователь Речиц объявила:

– Сейчас здесь будет произведен неотложный обыск на основании моего постановления. А вы, Медкова Катерина Петровна, задержаны по подозрению в совершении убийств Шевкопляса и Кротова.

И без того белое лицо Катерины стало смертельно бледным.

– Каких убийств? Каких Шевкопляса и Кротова? – только и смогла вымолвить она.

– А вот таких! – не смогла сдержать своего негодования Ника. – Мы нашли записи Сосновского. Не вздумайте отпираться, что вы не знаете, кто это такие.

– Она и правда не знает, кто это такие, – раздался откуда-то сбоку голос Семена Медкова. Такой же бледный, как и его жена, он стоял у камина и обеими руками держался за каминную полку, будто это единственное, что давало ему точку опоры. – Она не знает, кто это такие, – повторил он. –

Не надо ее задерживать. Это не Катя. Это ее младшая сестра Настя. – Медков оторвался от каминной полки и подошел к Нике, протягивая ей свои руки. – Задерживайте меня. Я убил и Катерину, и этого Сосновского. Задерживайте меня, и я вам все расскажу.

И вот снова поменялась следственная мизансцена, и вот уже Ника сидит в своем кабинете, светится красный огонек видеокамеры, а Семен Медков в присутствии дежурного адвоката рассказывает о развязке глухаревской драмы.

– Когда я увидел свой нож и услышал, что его нашли в сожженной фуре, я сначала не поверил. Я не мог поверить в то, что Катя причастна... может быть причастна к убийствам. Но когда Кати не было дома, я обыскал ее комнату, нашел деньги. Я понимал, что она вряд ли смогла бы в одиночку все это провернуть. Я решил расспросить ее подружку, Анжелику Хачатурян. Анжелика сначала отпиралась, но я смог ее немного припугнуть, она мне и проговорила про этого учителя. И рассказала, что для встреч с ним Катя сняла у Анжелики домик в Гусином Броде.

Я сказал Кате, что снова уезжаю на несколько дней в Кемерово. Я туда часто ездил в последнее время. Вы, наверное, слышали, что у меня есть ферма, я ездил в Кемерово, чтобы посмотреть, как устроены хозяйства с животными той же породы. Вот Катерина этим и воспользовалась. Я хотел застукать их, так сказать, при исполнении супружеской изме-

ны, поэтому в Кемерово не поехал, а уехал в Гусиный Брод и припарковался недалеко от домика, про который рассказала мне Анжелика. Домик оказался почти в лесу, на задворках деревни, его от сельских домов и не видно совсем.

Но ночью к домику никто не приехал. Потом я понял, что они снова пошли на дело. Под утро в какой-то момент я задремал, а когда проснулся и увидел у домика Катину «Ниву», у меня кровь так прилила к лицу и в висках так застучало, что я подумал, что умру в тот же час. Я распахнул дверь. Домик был совсем крошечный, на две комнатки: там были теплые сени и что-то вроде спальни. Я как их увидел на той кровати, так себя совсем забыл. Помню только Катькины глаза, она, когда я зашел, как раз лицом к двери была, сразу меня увидела. Нет, не бесстыжие у нее глаза были, а какие-то ясные, все понимающие, будто она этого всего и добивалась, будто такого финала сама хотела. А этот хлипкий учительши-ка даже не понял, похоже, что случилось...

Где я топор взял, не помню. Какие-то картинки в голове мелькают, будто он в сених был в дрова воткнут. Но герою-любовнику я первому голову им снес. Катька была вся в его крови, в мозгах, опомнилась, пыталась убежать, спрятаться. Но прощения, сучка, не просила, я бы ее простил, конечно. В угол уползла, спряталась, голову руками закрыла. Ну, я ее и ударил наотмашь, в висок ей попал...

Страшно то, что она и мертвая лежала красивая. Волосы рыжие, кровью пропитались, раскинулись по полу. Глаза я

ей закрыл, а нос и губы у нее такие гордые, такие резко очерченные, что когда я в себя немного пришел, то волком выль, так мне стало ее жалко. За ее красоту, за гордость, за то, что столько привела она на смерть из-за своей непонятной до жизни жадности. Всегда ей хотелось всего и побольше. Как она меня пилила за то, что в глуши живем, что зарабатываю мало. Детями шантажировала, обещала, что родит мне пацана и девку, когда я окончательно поднимусь и в город ее перевезу. А видишь, что она удумала, другого вокруг пальца обвести...

Я сейчас ее даже к нему не ревную. Просто брезгливость какая-то страшная. Неужели ей насколько со мной плохо было, что она на этого сопляка позарилась? И зачем она все это с мужиками с трассы затеяла?..

В себя я окончательно пришел уже под вечер. Так и просидел над ней мертвой почти целый день, курил одну за одной. Потом понял, что из-за этой суки оставшуюся жизнь ломать не хочу и в тюрьму садиться не буду. Завернул я этих голубчиков в ковер и одеяло, закинул их в багажник «Нивы», а домик облил бензином и поджег. Сам поехал домой и прикопал их в подвале. Потом поехал снова к домику, убедился, что все прогорело, выехал на трассу, попросил мужика с заправки вызвать пожарных, сказал ему, что у меня телефон сел.

Анжелика-то сразу догадалась, что домик я поджег и что с учителем это я что-то сделал. Но Анжелка – баба мировая.

Она – молчок. А чтобы Анжелка тоже много про эту ситуацию не думала, я решил выписать из Табулги Настю. И выдать ее за Катю. Думал, что поживет Настя со мной пару лет, про учителя все забудут, а там уже решим, что нам с ней делать. Настя в меня еще с юности влюблена, замуж так и не вышла, Катька из-за этого постоянно смеялась над ней. Насте я сказал, что Катя от меня сбежала с любовником, что не хочу я, уважаемый на селе человек, перед людьми позориться. Настя со мной согласилась, с работы своей в тот же день уволилась и приехала ко мне. Мы ей голову бинтами обмотали, придумали, что якобы Катя в погреб упала, поэтому такая болезненная, измученная, стриженная и ведет себя странно. Настя старалась из ограды не выходить, так что, думаю, никто подмену не заподозрил.

– А откуда вы узнали про нож с надписью «Табулга-2007», найденный на месте происшествия? – спросила Ника.

Семен Медков нервно дернул головой. В этот момент он понял, что в начале своих показаний проговорился о том, что планировал скрыть.

– От одного своего знакомого, – после долгой паузы ответил он.

– От какого знакомого?

– Не буду говорить. Он ни в чем не виноват. Я же могу не отвечать на вопрос, если не хочу?

– Можете, можете, – успокоил Медкова интеллигентный пожилой адвокат.

– Вы только Насте ничего не делайте, не знала она ничего, – доверительно попросил Медков Нику, когда красный огонек погас, а конвой уже стоял в дверях кабинета, чтобы везти его на «проводку». – И по поводу вопроса о моем друге, вы уж меня простите, не буду я его сдавать. Он мне как брат, даже ближе. Вы же знаете, кто это, решайте сами, что с этим делать, но я его имени под протокол никогда не назову.

– Мы разберемся, Семен Михайлович, кто и что знал, поехали сначала откопаем вашу жену и ее любовника. А потом уже разберемся со всем остальным.

– Поехали, – угрюмо согласился Медков.

Уже не в первый раз Ника сталкивалась с захоронением убийцей трупа в подвале собственного дома. Как правило, так избавлялись от тел родственников и знакомых, такое захоронение проще контролировать, и случайно обнаружить такую могилу практически невозможно. Но даже для не склонной к мистике Ники подобные ситуации казались жуткими: и как только призраки убитых не являлись к человеку, лишившему их жизни, по ночам? Идти-то привидению совсем недалеко, из подвала-то.

– Почему вы решили трупы именно здесь закопать? – поинтересовалась она у Медкова.

– Да куда их еще было девать? – Пристегнутый за запястье к конвоиру задержанный обреченно махнул свободной рукой. – Катька, хоть и тварь конченная, мне все-таки жена.

Негоже ей в канаве, как собаке, валяться. И учителя этого тоже пришлось сюда тащить. Но я их в разные ямы закопал, перебьется этот хмырь с моей Катериной после смерти в одной могиле лежать.

Ника поразились пластичности сознания Медкова: убив свою жену-злодейку, он не переставал любить ее какой-то болезненной любовью. Ей даже стало жалко Медкова, сильного, крепкого, похоже, что неглупого мужчину, ставшего жертвой своей единственной слабости – беззаветной любви к жене.

– Давайте копать, – кивнула она операм.

И вот из-под насыпного пола показались два свертка, о которых говорил Медков, а из них были извлечены два трупа. Ника без труда узнала в них и очкарика-графомана Сосновского, и красавицу Катерину, хотя великий уравниатель, смерть, уже обезобразил обоих. У следователя Речиц возникло странное чувство, что даже мертвая Катерина продолжает управлять своими мужчинами. Размозженная голова Петра Ивановича была повернута в сторону трупа его любовницы, в какой-то момент Нике даже показалось, что он поглядывает в ее сторону из-под прикрытых век. А Медков просто встал перед зеленеющим трупом жены на колени и молча гладил ее волосы.

Впечатление от всего этого было гнетущее. Быстро отразив в протоколе пол, внешность и одежду обнаруженных трупов, Ника поднялась наверх из подвала, вышла на приуса-

дебный участок и вдохнула полной грудью.

Мысли в ее голове путались.

«И вот мы, следователи, так много знаем о добре, зле, любви, дружбе и предательстве. Мы видим все это каждый день в переплетениях судеб. Судьбой и законом нам даже дано право давать этому оценку. Но что мы на самом деле знаем о той же любви и дружбе? Вот эта любовь Медкова к жене, закрывшая ему глаза на ее предательство, ее измену, ее смерть, она от бога или от дьявола? И хотела бы я познать такую любовь?»

Ника прикрыла глаза, но сознание снова услужливо подсовывало ей фигуру, стоящую на коленях перед трупом рыжеволосой женщины.

В этот момент она услышала громкий женский плач. В деревне действительно невозможно сохранить что-либо в тайне, и вот от калитки к дому уже бежала Полина Сосновская, с непокрытой головой и в распахнутом пуховике, не обращая никакого внимания на тридцатиградусный мороз.

– Ника Станиславовна, мой Петя – он там? – прокричала Полина на бегу.

Ника кивнула ей в ответ. Полина вихрем пронеслась мимо и забежала в дом. Речиц не стала ее останавливать, она даже не представляла, какие слова поддержки и утешения можно сказать совсем юной девочке. А любимый Петечка мало того, что умер, так еще перед смертью наострил лыжи, чтобы удрать от Полины.

Ника закончила все формальности на месте происшествия, убедилась, что трупы «уехали» в бюро судебно-медицинской экспертизы, а Медков отконвоирован в изолятор временного содержания. Теперь можно было спокойно ехать в отдел. Но было у нее еще одно дело, которое ей хотелось закончить как можно скорее. Приехав в Бродск, она не стала парковаться у родного Бродского межрайонного следственного отдела, а направилась к зданию полиции.

Ника зашла в отдел, помахала рукой в знак приветствия начальнику дежурной смены за стеклом и стала подниматься по лестнице. Ее не интересовал ни второй этаж, где сидели эксперты-криминалисты, ни третий прокуренный насквозь этаж, где располагались кабинеты оперов. Путь ее лежал на четвертый этаж межмуниципального отдела МВД России «Бродский», где в коридоре под стеклом стоял триколор, в витринах поблескивали кубки, а перед самым выходом на лестницу улыбались с доски почета лучшие полицейские Бродска и окрестных деревень. Пройдя мимо всего этого великолепия, Ника остановилась у двери с табличкой *«Начальник МО МВД России «Бродский» полковник полиции Турусов Е. В.»*. Она постучала. Услышав из-за двери одобрителное ворчание Турусова, она зашла в кабинет.

– Здравствуйте, Евгений Викторович! – поприветствовала она полковника.

Турусов сидел за своим рабочим столом и вид имел несколько обескураженный.

– Ничего себе ты шороху навела в нашем Глухарево. Столько убийств раскрыла. Опасно тебя надолго одну оставлять без присмотра, так ты и Джека Потрошителя найдешь.

– Возможно, – коротко ответила Ника. – У меня к вам разговор. – Она села за приставной стул и без лишних предисловий начала: – Мне стало известно, что примерно пятнадцать лет назад мой свежее испеченный подследственный Медков служил в отделении милиции в славном городе Табулга. В одном отделе с ним работал опером один небезызвестный вам человек, будущий сотрудник нашего Бродского отдела полиции. О, это были друзья не разлей вода. Настолько они были близки, что этот сотрудник Икс стал свидетелем на свадьбе у Медкова. И этот известный вам сотрудник в январе этого года при обнаружении сожженного грузовика-рефрижератора фермера Шевкопляса украл с места происшествия нож с гравировкой «Табулга-2007» и отдал его Медкову... Евгений Викторович, зачем вы это сделали? – Ника резко подняла голову и посмотрела прямо в глаза Турусову. – Вы же по сути спровоцировали вашего же друга на убийство жены и ее любовника. Зачем вы это сделали? – повторила она свой вопрос.

Турусов посерел и съежился прямо на глазах. Он встал из-за стола, отошел к окну, закурил. Минут пять он стоял, отвернувшись от Ники, а потом присел за приставной стол, прямо напротив нее.

– Я был уверен, что фермеров убивали Медков и Чебот-

ков, – начал он после долгого молчания. – Когда я увидел нож в той фуре, я сразу узнал его, это был нож Семена, я сам подарил его ему на память, когда тот увольнялся из милиции. Знаешь, у Семена через весь живот огромный шрам. Это он в 2007 году закрыл собой меня, когда на одном из выездов на нас набросился с ножом местный наркоман. Медков тогда чуть не умер, спасая меня. Я увидел нож и понял, что пришло мое время отплатить ему за спасение. Я знал, что у Семена серьезные финансовые проблемы, и подумал, что он решил пойти на крайние меры для их решения. Потом я показал нож Семену, сказал, что мне все известно про их с Чеботковым шалости.

«Ничего себе шалости», – пронеслось в голове у Ники. Она старалась не упустить ни слова из того, что говорил полковник.

– Семен начал клясться, что это не он. Он еще стал говорить, что и Чеботков тут ни при чем. Но я ему не поверил, и это была моя самая большая ошибка. Я поехал в следственный изолятор к Чеботкову, сказал ему, что по делу установлена причастность к убийствам женщины, и что это его бывшая жена Светлана. Я предложил ему расклад: он все возьмет на себя, а мы тогда оставим его жену в покое. Чеботков поверил мне, пожалел свою бывшую бабу и на следующий день написал оперу Чурилову свои явки... – После этих слов Турусов надолго замолчал. – Но и мне и в голову не могло прийти, что фермеров убили Катерина и школьный учитель.

И как я мог догадаться, что Семен начнет топором размахивать направо и налево? – развел руками начальник отдела.

– Отличная получилась история, Евгений Викторович. И что же нам теперь с ней делать? – мрачно усмехнулась Ника.

– А что теперь с ней сделаешь? – ощерился Турусов. – Семен меня никогда не сдаст. Прямых доказательств того, что я нож взял из фуры, у тебя нет, одни косвенные. Ты ничего не докажешь. Так что расследуй спокойно свое дело, догадливая ты моя.

– Тут вы правы, – кротко согласилась Ника. – Что ваш друг Медков, что ваши подчиненные вряд ли дадут против вас показания. Но есть одно обстоятельство, которое меня чрезвычайно радует. Я бы даже сказала, что оно утешает меня в этой гадкой ситуации. Украденный вами с места происшествия нож и привел вашего друга в тюрьму. Вы всегда будете про это помнить и будете знать, что именно вы помогли ему стать убийцей, – негромко, но твердо сказала Ника. – И если у вас еще осталась хоть капелька офицерской чести, вы тут сами больше работать не сможете.

– Знаешь, это для тебя убийство этих фермеров – одно из многих дел, порасследовали, приостановили и забыли. А для меня оно друга моего касалось, – отрезал Турусов. – Ты подумай сама, как бы ты поступила на моем месте, если бы твой друг оказался замешан в чем-то подобном? К примеру, этот ваш Преображенский или твоя подружка Лазарева? Побегала бы их сдавать?

– Не знаю, – мрачно ответила Ника. – Но думаю, что если бы я начала уговаривать невиновных людей взять на себя ответственность за чужие преступления, я бы нашла в себе силы в тот же день уволиться.

Она поднялась и, не обращая внимания на Турусова, который пытался что-то прокричать ей вслед, выскочила из его кабинета. В расстроенных чувствах спускалась она по лестнице, когда навстречу ей попался не менее расстроенный, чем она, Коля Ткачук.

– Ника, это что за дела? Мы столько провозились с твоими фермерами, а ты в итоге раскрытие втихаря отдала ГУВД, – сердито сказал он ей.

От того, что еще и Ткачук на нее обиделся, Нике стало окончательно тошно. Проглотив предательски подступивший к горлу комок, Ника сказала:

– Я тебе потом все объясню. За ушедшее от вас раскрытие скажи спасибо вашему великолепному полковнику Турусову. – И, оставив на лестнице крайне удивленного Ткачука, Ника побежала вниз.

Она отъехала от отдела полиции, припарковалась в каких-то елочках и крепко задумалась. Она не знала, что ей делать с Турусовым. Оставить его безнаказанным – значит расписаться в собственном бессилии. А для того, чтобы инициировать в отношении него какие-то проверки, доказательств действительно было маловато. Медков его не сдаст. Можно попробовать допросить по поводу мотива самоговора Че-

боткова... Да, именно так и нужно будет поступить. Но сейчас для серьезного допроса у нее не было никаких сил.

Ника осмотрелась по сторонам. Елочки, в которых она припарковалась, оказались расположены у торца Бродской районной больницы, в опасной близости от места работы ее закадычного друга хирурга Потешкина.

Ника примерно десять минут боролась с искушением позвонить или написать Павлу. Он, как никто другой, мог найти слова поддержки и утешения даже в этой непростой ситуации, но делать из этого замечательного человека короля френдзоны Ника посчитала аморальным.

– Нельзя использовать мужчин. Да и женщин тоже, – бормотала она себе под нос, отъезжая от больницы. – Иначе пойдешь по головам, как эта Катя Медкова. Не буду использовать этого отличного человека для того, чтобы выговориться.

Ника подъехала к родному отделу, заметила, что в окошке кабинета Леси горит свет и решила зайти к подруге. Именно Леся должна была работать с «поддельной» Катериной – Анастасией. И Нике стало ужасно интересно, чем же закончился ее допрос.

И Ника зашла в заваленный бумагами и вещдоками, но такой уютный кабинет Леси, и вскипел чайник, и как по маговению волшебной палочки стянулись любители вечерней чайной паузы – Макс Преображенский и Денис Денисович Кораблев.

И тут Ника наконец-то узнала о том, как допросили Ана-

стасию Рязанцеву, младшую сестру Катерины Медковой.

Оказалось, что Катерина и Анастасия были погодками, Настя оказалась младше Кати всего на один год. И похожи девчонки оказались почти как две капли воды: рост, фигура, черты лица, оттенки глаз и волос у сестер были почти одинаковыми. Их даже порой принимали за близнецов. Но только природа наделили Катерину чем-то еще, какой-то невероятной манкостью. Стоило ей появиться в любой компании, как все женщины меркли в сравнении с ее красотой. И Настя с теми же рыжими волосами и зелеными глазами почему-то тоже смотрелась на фоне сестры серым воробушком.

Но все это не особо печалило Настю, пока в один прекрасный день она не познакомилась со статным участковым Семеном Медковым. Настя тогда училась в педагогическом институте, проходила практику в Табулге. Знакомство переросло в роман, роман – в знакомство с родителями и любимой сестрой Катенькой.

А дальше все получилось, как в бульварном романе. И белое платье было, и свадьба пела и плясала, и будущий полковник Турусов, а тогда еще просто Женька, лучший друг жениха, поздравлял молодых. Только невестой была не Настя, а роковая красавица Катерина.

И понеслись годы. Катя убедила мужа бросить службу в милиции и заняться коммерцией. Так она стала женой бизнесмена, стала жить богато и счастливо, но жизнь свою закончила страшно.

А Настя все эти десять лет, что отделяли веселую свадьбу от того дня, когда Медков приехал за ней, проработала учительницей в средней школе в Табулге. Она никуда оттуда не уезжала. Раненая в молодости самыми близкими людьми, она не вышла замуж, детей не родила и служила отличной иллюстрацией к поговорке про то, что старая любовь не ржавеет.

На предложение Медкова заменить сбежавшую от него Катерину она согласилась сразу. У допрашивавшей ее Леси даже сложилось впечатление, что Анастасия все эти десять лет подсознательно ждала, что Медков ее позовет. Она в тот же день уволилась в работы, дала ему подстричь себя под ноль и с большим энтузиазмом стала изображать свою сестру.

– Как думаешь, знала она о том, что труп ее сестры в подвале зарыт или нет? – спросила Ника.

– Мне показалось, что она стала о чем-то догадываться, – ответила Леся. – Она сказала, что в последние два дня перед нашим приходом с обыском Медков был сам не свой. Он ходил по дому, прислушивался, ждал чего-то. А накануне нашего приезда устроил Анастасии романтический ужин: сам приготовил какую-то еду, зажег свечи, попросил у нее прощения и, как выразилась сама подменная сестра, «сделал ее своей настоящей женой».

– Уж обошлись бы мы без таких деталей, – поморщилась Ника.

– Так она сказала, – пожалала плечами Леся. – Кстати, мне показалось, что смерть сестры ее не огорчила. Она сказала, что будет ждать Медкова из тюрьмы и теперь Катерина точно не помешает им воссоединиться.

– Ой ли, – скептически наморщила нос Ника. – Ей с живой Катериной было сложно конкурировать, пусть теперь попробует поконкурировать с мертвой.

– Ничего себе, какие в этом Глухареве кипели страсти, – вздохнул Макс. – Теперь еще до лета будем эти дела разгребать.

В этот момент из-за двери кабинета послышался какой-то шум, дверь распахнулась, и в комнату ворвался как всегда крайне возмущенный Борис Борисович. Но сейчас было видно, что он пребывает в настоящем гневе. Казалось, что от шефа сейчас пойдет пар.

– Чаи распиваете? – мрачно резюмировал Борис Борисович, обведя глазами кабинет. – Что вы там себе позволяете, Ника Станиславовна?! Почему мне звонит Турусов и говорит, что вы ему какими-то ножами угрожаете?

– Ножами? – изумился Макс.

– Угрожает? – от удивления открыла рот Леся.

– Да, ножами угрожает! Это что еще за новости?! – бушевал Борис Борисович.

– Так, Борис Борисович, Турусов и правда нож с места происшествия по убийству утащил. Этот Медков, которого мы сегодня задержали, оказался его другом, а нож с грави-

ровкой – из его дома.

– Вы что, совсем уже рехнулись?! Даже если это и так, вы чего мне не доложили? Что за самодеятельность?! – ББ зашелся в негодовании. – Вы чего добиваетесь? Чтобы Турусова уволили?! Да он работает в этом районе сто лет, мы его уже как облупленного знаем! А пришлют нам нового, что мы будем с ним делать? Как работать?! Ты, Ника Станиславовна, головой-то хоть чуть-чуть думай, хоть иногда, что можно делать, а что нельзя!

– То есть это мне надо головой думать? А не менту, который нож с места происшествия по убийству тащит? – переспросила Ника.

– Да, тебе! Ты сейчас с ментами поссоришься, а мне потом это все за вами разгрести! Господи, что за отдел, ни украсть, ни покарать!..

– Ладно, я все поняла. – Ника поднялась с места и пошла в свой кабинет. Ей вслед неслись какие-то претензии Бориса Борисовича, но она не стала прислушиваться.

Она села за ноутбук и стала судорожно печатать. На стол по очереди легли: рапорт по факту воспрепятствования производству предварительного следствия начальником МО МВД «Бродский» полковником полиции Турусовым Е. В., постановления об изъятии и передаче уголовных дел, находящихся в производстве следователя Речиц Н. С. другому следователю, заявление об увольнении.

Участники вечернего чаепития в это время собрались во-

круг сурово молчавшей Ники Станиславовны и пытались ее успокоить.

– Ника, ну ты чего распсиховалась? Это же не в первый раз такое, – с опаской начал Макс. – Кто твои дела будет вместо тебя расследовать?

– Вот ты и будешь расследовать, – прервала молчание Ника. – Ты убийство Шевкопляса расследовать начал, ты его и закончишь. А я пойду поднимать народное хозяйство. А вы завтра арестовывайте Медкова, выпускайте Чеботкова, миритесь с Турусовым, в общем, делайте, что хотите!

Молчавший до этого момента Денис Денисович поднялся:

– Пойду переговорю с Борисом Борисовичем, а вы, Ника Станиславовна, пока остыньте.

– А я домой пойду. Рабочее время уже закончилось. – Ника посмотрела на часы, встала из-за стола и, махнув на прощание рукой изумленным Макс и Лесе, бодро побежала вниз по лестнице.

– Твою мать! – Макс рухнул в свое кресло. – Какая муха ее укусила? Она же за эти годы ни разу не грозилась уволиться!

Озабоченная Леся села на место Ники и сказала:

– Мы хорошо ее знаем. Я думаю, что она успокоится и передумает. А если не передумает, то, может, это и к лучшему. Наша Ника не пропадет.

– Она-то не пропадет, а нам ее дела расследовать. – Макс с опаской покосился на громоздкий сейф следователя Речиц.

А Ника в это время ехала домой. Ей нестерпимо хотелось поплакать и пожалеть себя, но сильное нервное истощение не давало этого сделать. Ни слышать, ни говорить ни с кем не хотелось. Она припарковалась у дома, резво поднялась в квартиру. И там, прямо в прихожей, слезы наконец-то полились из глаз.

Ника всегда плакала некрасиво, с подвыванием. Глаза моментально становились красными, веки и нос опухали. Захлебываясь, в слезах и соплях, Ника оплакивала свою обиду на шефа, не поддержавшего ее в ситуации, когда она сама себя считала правой на сто процентов.

И не хотела она делать вид, что ситуации с ножом и принуждением Чеботкова к написанию явок не было. Хоть Ника и не играла в шахматы, она хорошо играла в шашки. И помнила, что в дамки может выйти только шашка, которая идет до конца.

Наревевшись от души, Ника забылась глубоким спокойным сном. И снилась ей ее будущая счастливая жизнь: работа в народном хозяйстве, жизнь в родном Энке, красивая свадьба с Сергеем.

Свадьба была в ноябре, Ника в белом платье и меховой шубке кружилась в танце со своим женихом в смокинге с бабочкой во дворике рядом с расцветенными огнями рестораном. Ослепительно белый, только что выпавший снег светился у них под ногами, пушистые снежинки падали сверху. А на крыльце ресторана стояли и смотрели на них гости с бен-

гальскими огнями в руках: Ника увидела своих родителей, Лесю и Макса, Дениса Денисовича и почему-то Иннокентия. «Зачем мы пригласили общественного помощника?» – пронеслось у Ники в голове.

И в этот момент она проснулась. За окном была темнота, а на полу рядом с диваном оглушительно разрывался ее телефон.

Звонил Денис Денисович:

– Ника Станиславовна, я знаю, что вы сегодня не дежурите, но у нас тут просто Чикаго. Преображенский уехал на сто одиннадцатую, четвертую, Алесья Сергеевна на изнасилование, а в Малинкино расчлененный труп в лесу нашли...

– Господи, кто его нашел в лесу в час ночи? – поинтересовалась Ника, взглянув на часы.

– Влюбленная пара гуляла вечером и нашла. Коробка в кустах стояла. Выручите?

– Вообще, я почти уволилась, – пробормотала Ника.

– Ну, вот съездите на расчлененный труп и уволитесь, – парировал ДД.

– Хорошо, пусть дежурка за мной едет, – смиренно сказала следователь Речиц. «Осмотрю напоследок расчлененку», – подумала она.

В лесу было тихо и темно, лишь свет фар старенького милицейского уазика выхватывал из мрака то силуэты деревьев, то сугробы. Ника вылезла из дежурки, подхватила тяжелый следственный чемодан и побрела туда, где в ночи све-

тились фонарики членов следственно-оперативной группы.

Ибо, если бьется в тебе следственная жилка, куда бы ни стремился, все равно возвратишься на круги своя. И будешь брести в темноте, утопая в снегах, ведомый блуждающим неясным светом.